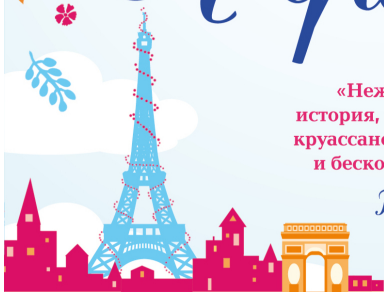

Джули Кэплин

Уютная кондитерская в Париже

«Нежная, неторопливая
история, пропитанная ароматом
круассанов, атмосферой Парижа
и бесконечной романтикой».

Полина Карева,
@ch_pollybooks

Джули Кэплин
Уютная кондитерская
в Париже
Серия «Любовь в каждом городе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67751039

*Кэплин, Джули. Уютная кондитерская в Париже: Эксмо; Москва ;
2022*

ISBN 978-5-04-170041-6

Аннотация

Романтическая история для поклонников Изабель Брум, Элизабет Гилберт и Хелен Рольф.

Нина самая младшая в семье, поэтому каждый считает своим долгом дать ей совет и спасти от всех неприятностей в мире. Но девушке пора расправить крылья. У нее появляется уникальная возможность осуществить свою мечту: Себастьян, лучший друг ее брата, ищет помощницу, чтобы открыть кондитерскую в Париже. Вот только Нина когда-то была влюблена в Себастьяна. Смогут ли они работать вместе? Девушка решает рискнуть и собирает чемодан.

Мы забронировали вам столик с видом на Эйфелеву башню. Наша кондитерская предлагает уникальное меню: вкуснейшие

макаруны, эклеры, горячий ароматный кофе и чарующую атмосферу любви в самом романтичном городе мира.

«Просто блестяще». – Goodreads

«Волшебно, увлекательно, весело и захватывающе». – The Writing Garnet

«Это все про чувства... Я в восторге!» – The Cosiest Corner

«Неотразимо». – Кэти Ффорде, автор бестселлеров Sunday Times

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	29
Глава четвертая	39
Глава пятая	55
Глава шестая	69
Глава седьмая	80
Глава восьмая	88
Глава девятая	101
Глава десятая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джули Кэплин
Уютная кондитерская
в Париже

Julie Caplin

The little Paris Patisserie

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Элисон, любимой коллеге,
неофициальному предводителю болельщиков
и просто классному человеку*

Глава первая

Токая по гравию измученными и усталыми ногами, чтобы хоть немного их согреть, Нина в девяносто пятый раз за десять минут посмотрела на свой телефон и чуть не выронила его из рук. Куда делся Ник, черт его побери? Он уже опаздывал на четверть часа, и ее пальцы были готовы отломиться, что лишь усиливало овладевшее ею чувство бедствования. Здесь, у черного входа на кухни, на служебной парковке, где она стояла теперь, негде было укрыться от промозглого ветра, со свистом налегавшего на каменный особняк, и, уж конечно, от мрачных мыслей в ее голове.

– Нина, привет, ты уверена, что тебя не надо подвезти? – спросила Марчела, одна из официанток, – говорила она с сильным акцентом. Она опустила окно, сдавая задом с одного из парковочных мест.

– Нет. – Нина отрицательно покачала головой. – Все в порядке, спасибо. За мной едет брат. – Или уже лучше ему не ехать. Нине хотелось бы сидеть сейчас в этом маленьком запотевшем автомобиле с Марчелой и двумя другими коллегами, и она чуть не рассмеялась, подумав об этой довольно противной иронии. Мать настояла, чтобы Ник забрал ее, и она была бы спокойна, зная, что дочка в безопасности. А дочка стояла тут на парковке в полной темноте и через секунды должна была остаться еще и в полном одиночестве.

– Ну, как хочешь. Увидимся через восемь недель.

– Ха! – прозвучал с заднего сиденья мрачный голос, говоривший с восточноевропейским акцентом – Томас, сомелье, круглогодичный пессимист. – Неужели ты и вправду думаешь, строители закончат в срок?

Добродушно настроенный хор голосов заглушил его.

– До скорой встречи, Нина.

Они все замахали, прокричали слова прощания, Марчела еще поднимала окно, когда древний «Поло» с ревом сорвался с места, словно Марчела, сидевшая за рулем, не могла дожидаться конца своей смены и возможности лечь и поднять ноги повыше. Именно это надеялась сделать и Нина, если ее брат когда-нибудь доберется сюда.

Наконец она увидела свет фар машины, направляющейся в ее сторону по подъездной дорожке. Это наверняка был Ник. Почти все остальные уже уехали. Сделав резкий разворот под громкий хруст гравия, машина остановилась перед Ниной.

Она рванула дверь.

– Привет, сестренка. Давно ждешь? Извини, несчастный случай с овцой.

– Давно, – отрубил Нина; она забралась в машину, благодарная за тепло в салоне. – На улице такой зверский колотун. Как я буду рада, когда мою машину отремонтируют.

– Расскажи мне про свою машину. Я сам так замерз, всю дорогу к тебе оттаивал. Там, понимаешь, ягненок застрял

в сеточной ограде вдоль дороги. Мне пришлось остановить-
ся и помочь этому дурацкому животному выпутаться.

Глупо, наверно, было думать, что у овечки в холодный февральский вечер есть по крайней мере отличная густая шерсть, тогда как на ней юбка и колготки.

– Так как там прошло? Я имею в виду вчерашний вечер, – сказал Ник. Он чуть наклонился вперед и выключил радио, которое орало на полную мощность, – шел репортаж с футбольного матча. – Хорошо проводили твою напарницу?

– Отлично. Грустно немного – мы ведь теперь не увидимся, пока реновация не закончится. А все это время Сьюки будет в Нью-Йорке.

– В Нью-Йорке? Крутые перемены.

– Она блестящий шеф-повар. Ездит повсюду.

– Ну, я уже понял. В Нью-Йорк. А что делают все остальные?

– Штатный состав передислоцируется и проходит переподготовку.

– Мне это кажется немного несправедливым. А почему не ты?

– Наверно, потому, что у меня временный контракт.

– Слушай, мы тебе точно сможем найти несколько дополнительных часов в фермерском магазине и еще в кафе. А Дэн организует тебе подработку в пивоварне. Думаю, сестра Гейли сможет платить тебе, если будешь сидеть с детьми, а у Джорджа наверняка найдется работа на бензоколонке, им

всегда нужен дополнительный персонал. Правда, в ночные смены, так что, наверно, тебя это не устроит.

Нина закрыла глаза. Она была абсолютно уверена, что, нравится ей это или нет, каждый человек в семье внесет свою лепту в поиски работы для «бедной Нины», пока ресторан «Боденброк Мейнок» закрыт на реновацию. Нет, она не была неблагодарной, они все желали ей добра, но она уже выросла и вполне сама могла найти себе работу, не используя бесчисленные семейные щупальца, готовые ради нее протянуться во все стороны. Она любила свою семью до потери сознания, правда, но...

– А как насчет демонстрации неодобрения? – спросил Ник, поворачивая к ней голову.

– Никак, – сказала Нина, закрывая глаза. – Боже, как я устала. Ноги болят так, словно по ним сто слонов прошли.

– Слабачка, – поддразнил ее Ник.

– Я на ногах с девяти утра, – сказала она. – А ресторан был набит под завязку. Даже ланч некогда было съесть.

– Так не годится. Ты должна была сказать что-нибудь.

– Не так-то все просто. Все заняты. На настоящий перерыв и времени-то не было.

– Только не говори мне, что ты сегодня ничего не ела.

Нина пожала плечами. Она, к ужасу матери, выбежала из дома, не позавтракав.

– Если и поела, то чуть-чуть.

В животе у нее совсем некстати заурчало именно в этот момент, словно ставя под сомнение ее ответ. Ее живот явно не соглашался, что рогалика и ломтика сыра достаточно на весь день.

Ник насупился.

– И все же. Хочешь, я поговорю с вашим менеджером, когда ресторан откроется заново?

– Нет, у меня все в порядке. Мы пообедаем дома.

– Но это...

– Ты там не работаешь, а потому не можешь понять. – Голос Нины от возбуждения зазвучал громче. Типичный Ник: вечно думает, что он точно знает, как лучше.

– Мне не нужно понимать. Есть закон о труде. Тебе полагаются перерывы. Это...

Его речь очень вовремя прервал фанфарный рингтон телефона, вырвавшийся через динамики его беспроводной голосовой связи.

– Ник Хадли, – сказал он, нажав кнопку «принять вызов» на панели управления.

Нина откинулась на спинку своего кресла, благодарная за это вмешательство, которое давало ей идеальную возможность закрыть глаза, отключиться и до самого дома делать вид, что она дремлет.

– Привет, Паст, как там носки?

Нина напряглась. Все ее сухожилия при звуке этого знакомого насмешливого голоса защелкнулись на своих местах.

Друзья часто называли ее брата Паст – укороченное от «пастух», их, казалось, заиклило на детской версии рождественской песни «Пока по ночам пастухи стирали носки».

– Все в порядке. Как твои дела, Головорез? Все еще выступаешь за этих говнюков, которые выдают себя за регбийную команду?

Головорез – явно было не самым удачным прозвищем для шеф-повара. Высокомерный, Презрительный, если уж на то пошло, были бы лучше.

– Не говори ничего, приятель. Они были полными олухами против Франции. А я заплатил за билеты немалые деньги.

– Ты что – ездил на «Стад де Франс»?¹ Ишь ты, удачливый говнюк.

– Не такой уж удачливый, раз эти засранцы проиграли.

– А представь-ка поездку на Калькуттский кубок?² Ты же не хочешь надолго осесть во Франции. Там к тебе могут прилипнуть дурные привычки.

– Тут есть маленькая проблемка.

– Какая? – спросил Ник.

– Я прикован к постели. Поэтому-то и звоню.

Нина сжала губы – кто-то, возможно, назвал бы появившееся на ее лице выражение саркастической улыбкой. Се-

¹ Stad de France (*фр.*) – «Стадион Франции», стадион в Париже, построенный специально к чемпионату мира по футболу 1998 года во Франции. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² Калькуттский кубок – трофей, присуждаемый победителю регбийного матча между командами Англии и Шотландии.

бастьян явно не подозревал, что она слышит их разговор, да Нина и не хотела, чтобы он знал. Послушать их дурацкий диалог, так никто бы и не догадался, что это общаются двое взрослых мужчин, а не пара подростков, хотя такое предположение было бы вполне логично. Она определенно не хотела вспоминать о Себастьяне-подростке или о том, как она из-за него выставила себя полной идиоткой. К несчастью, подростковая любовь к лучшему другу брата, вероятно, худшее, что может случиться в жизни, потому что даже сейчас, десять лет спустя, кто-то в семье время от времени возвращался к этой теме.

– Что случилось?

– Стоило мне выйти за дверь, как я сломал ногу.

– Черт побери, старик. Когда это случилось?

– Дня два назад. На меня свалился один из этих дурацких чемоданов на колесиках. Я упал, а нога в этот момент подвернулась.

– Боже ты мой. А как твой бизнес – в порядке?

– Нет, – прорычал Себастьян. – Всюду полная жопа. Одно из новых мест, которые я прикупил в Париже, оказалось котом в мешке. Предыдущий владелец вел курсы по изготовлению кондитерских изделий и забыл мне сказать, что заключил договор на семинедельный курс, по этому договору уже все расписано и оплачено.

– А отменить сделку ты не можешь? – спросил Ник, включая поворотник и сворачивая с главной дороги на второсте-

пенную, ведущую в деревню.

– К сожалению, я уже принял на себя обязательства. Думал, все будет в порядке, потому что я могу поручить моим подрядчикам начать работы на двух других местах, а на это уйдет пара месяцев, так что дела вполне могли бы идти нормально. И все бы ничего, если бы я не сломал эту чертову ногу.

Нина сжала губы. Обычно она никому не желала несчастий, но Себастьян действовал на нее, как красный цвет на быка. Нет, она злилась не на его успехи, видит бог, он как проклятый спину гнул, чтобы стать шеф-поваром его собственной маленькой сети ресторанов. Слишком уж гнул, на ее взгляд. Нет, дело было в этом его надменном превосходстве. Каждый раз, когда она сталкивалась с ним на протяжении этих десяти лет, неизменно оказывалась в проигрышном положении. А последний раз был просто унижительный.

– А кого-нибудь найти на эту работу ты не можешь?

– Вряд ли можно кого-то найти за такие короткие сроки. Курсы начинаются на следующей неделе. К тому же на следующие несколько недель мне не нужно ничего, кроме пары свободных ног. Пока с меня не снимут гипс.

– Слушай, Нина могла бы тебе помочь. Ее отправили в отпуск.

Нина выпрямилась на сиденье, вонзившись прищуренным взглядом в своего невероятно глупого брата. У него что – мозги отшибло или что? Почувствовав движение в ма-

шине, Ник повернул голову, и она увидела блеск его зубов в темноте – он улыбался ей во весь рот.

– При всем уважении, Ник, твоя сестра – последний человек в мире, которого я бы взял себе в помощники.

Ухмылка Ника потемнела. В машине наступило продолжительное молчание.

Потом Себастьян пробормотал:

– О, черт побери, она там, рядом с тобой, да?

Нина с ледяной улыбкой распрямила плечи.

– Вот уж воистину «черт побери». При всем моем уважении, Себастьян, я бы предпочла кастрировать овец зубами на ферме, чем помогать тебе.

С этими словами она наклонилась, ткнула пальцем в панель управления и отключила телефон.

Глава вторая

Семейная кухня была настоящим ульем – тут все работали, ее мать носилась из угла в угол, надев перчатки-прихватки с цветочным рисунком, большой кухонный стол был накрыт на восьмерых, а на большой плите что-то шипело и пузырилось в сковородах.

– Нина, Ник. Как раз вовремя.

– Ух, как вкусно пахнет, – сказал Ник, бросая ключи от машины на комод к другому разнообразному хламу, который, казалось, накапливался там за один день, сколько бы их мать ни наводила там порядок. Хотя все четверо ее взрослых сыновей в той или иной степени покинули дом, они продолжали считать кухню своей собственностью, что приводило в восторг мать Нины. Ни один из ее отпрысков не заплутал где-нибудь вдали от дома. Ник, который был на два года старше Нины, жил в коттедже по соседству и помогал отцу в работе на ферме и с овцами. Он еще вел холостяцкую жизнь и, казалось, не спешил найти себе жену, а проводил время, испытывая потенциальных кандидаток.

– Садитесь. Наверняка с голоду помираете. А где Дэн и Гейл? Они сказали, что будут пять минут назад.

– Ма, это же Дэн. Он гарантированно опоздает на собственные похороны, – сказал Ник, наскоро чмокая ее в щеку и одновременно снимая шарф.

– Не говори так, – сказала она, вздрогнув. – Они сегодня были заняты в пивоварне и в магазине на ферме. Целый автобус приехал из Северного Уэльса. Бедняжка Кэт.

Линда, мать Нины, сочувственно посмотрела на невестку Нины, ссутулившуюся в конце стола над пустой чашкой кофе. Кэт, которая вышла замуж за их второго по старшинству брата Джонатона, одного из близнецов, подняла светловолосую голову и едва заметным движением безнадежно помахала ей.

– Дурдом какой-то. У нас кончились сконы³, и кофе, и ореховое печенье. Не, честно, эти пенсионеры, они как саранча. Можно подумать, что они месяц толком не ели. Всё смели – шкафы пустые.

Мать улыбнулась Нине обеспокоенной полуулыбкой.

Нина застонала, стягивая с себя пальто.

– Не переживай, как только я поем, то быстренько приготовлю тебе партию сконов и торт. А сливочный крем сделаю завтра утром.

– Ах, дорогая, ты сама только что с работы и, наверно, устала. Уверена, Кэт сможет денек перебиться.

Нина успела разглядеть, как Кэт закатила глаза.

– Ма, это не отнимет много времени.

– Ну, если ты уверена, дорогая.

Слава богу, через пять минут ее старший – на пять минут опередивший Джонатона – брат Дэн влетел в кухню, таща

³ Сконы – традиционная английская и шотландская выпечка к чаю.

за руку свою жену Гейл. Дверь распахнулась на петлях до упора, когда, хихикая, появилась эта парочка.

– Привет, народ, любимое дитя пришло, – загремел Дэн. Его жена легонько ударила мужа кулаком по ребрам.

Внезапно шум в кухне десятикратно усилился, и из коридора появился ее отец, заскрежетали на плиточном полу стулья, зазвенели пивные бутылки, когда из холодильника извлекли несколько штук, быстро сорвали с них крышечки, которые со стуком ударялись о кухонный стол, а отец принялся работать штопором, и вскоре раздался приятный для уха хлопок – пробка была извлечена из горлышка бутылки красного вина. Они привычно расселись по своим местам, и за столом пошли разговоры на самые разные темы. Нина проскользнула на свое место рядом с матерью во главе стола.

– Ты уверена, что сможешь приготовить торты? Я могу встать пораньше и сделать партию сконов, чтобы помочь Кэт.

– Ма, нет проблем, честно. – Она перехватила взгляд невестки, увидела, как Гейл подмигнула ей. – После обеда у меня открывается второе дыхание. – Да и речь-то шла всего о паре тортов, было бы о чем говорить. К тому же это даст ей удобный предлог скрыться от обычного бедлама, провести время в тишине и спокойствии в своем собственном маленьком жилище над старым конюшенным блоком, где никто не будет донимать ее разговорами о том, что она до сих пор не нашла себе спутника жизни.

Ее мать сжала губы и переключила внимание на запекан-

ку, стоящую на столе.

– Джонатон, ты накапал уже повсюду с этой ложки.

– Ах, Джонатон! – поддакнул Дэн, не упуская возможности поддразнить своего близнеца. Остальной мужской контингент присоединился к Дэну.

– Дэн, тебе, конечно, хотелось бы побольше?

– Посмотрите на него, любимое чадо. – Джонатон показал ложкой на брата, но получил немедленную нахлобучку от жены.

Как и всегда, это напоминало время кормежки в зоопарке, но Нина испытывала облегчение: внимание всех присутствующих переключилось с нее на братьев. Она умудрялась оставаться незамеченной, пока с большого блюда на столе не соскребли остатки запеканки под препирательства Дэна и Джонатона, которые никак не могли поделить между собой последний кусочек ягнятины.

– Так что происходит с этой твоей машиной, красатуля? – спросил у нее отец.

– Все еще в мастерской. Не могли найти какую-то деталь, надеются, что завтра привезут.

– Чтобы отремонтировать это железо, потребуется больше одной детали. – Ее мать поежилась. – Это смертельная ловушка.

Нина пробормотала что-то себе под нос, но никто ее не слышал, потому что все они уже высказали свое мнение о ее машине. С маленьким «Фиатом» Нины все было в полном

порядке.

– Ма, ты за Нину в этой ее штуке не беспокойся, она не может так быстро крутить педали, чтобы попасть в какую-то передрагу, – поддел ее Ник.

– У швейной машинки мощности больше, – подколот Дэн.

– Мне очень хочется, чтобы ты обзавелась чем-нибудь понадежнее. Боюсь, крупные машины тебя просто сплющат.

– Ма, ты можешь не беспокоиться. Грузовик Ника проедет над ее машинкой и даже не заденет.

Дэн, выигравший сражение за кусочек ягнятины, со звоном бросил на тарелку вилку и нож.

Мать снова поежилась.

– А это и того хуже.

– Оставьте меня в покое, мне нравится моя машина, – сказала Нина. Ей отчаянно не хватало ее «фиатика» – без него она попала в полную зависимость от всех, кто мог ее подвезти.

– Жена Тома из паба продает свою машину. Могу посмотреть, в каком она состоянии, если хочешь, – сказал отец. – У нее «Форд». Это хорошие, надежные машины. И эксплуатация недорогая.

«И адски унылые», – подумала Нина.

– Хорошая мысль, дорогой, – добавила мать. Нина хотела сказать что-нибудь спокойное и разумное типа: «Поскольку я собираюсь заплатить за ремонт, сейчас, вероятно, не самое подходящее время думать о другой машине», но она уже на-

елась их советами – все они считали, уж они-то знают, что для нее лучше всего. Нет, правда, они все относились к ней, как к ребенку. А потому она вскочила на ноги, оглядела сердитым взглядом сидящих за столом и проорала:

– Мне нравится моя машина такой, какая она есть, огромное всем спасибо!

Потом она схватила свою куртку и вылетела через заднюю дверь в свое жилище.

Захлопнув за собой дверь, она с удовольствием прислушалась к потрясенной тишине, воцарившейся за столом.

Пока четыре бисквита охлаждались на поддоне, в ее дверь тихонько постучали, и Нина сразу поняла, что это Ник. Хотя сегодня за обедом он больше всех донимал ее, он был самым заботливым из всех ее братьев. Какая-то ее часть хотела проигнорировать этот стук и сделать вид, что она уже в кровати, но Нина знала, что такая несвойственная для нее вспышка уже вызвала переполох, и если она не отзовется, брат продолжит стучать.

– Да? – Она приоткрыла дверь на два-три дюйма, давая понять, что сейчас ей не нужна компания.

– Просто хотел проверить, что ты в порядке.

В его бодрой улыбке чувствовалась какая-то натянутость. Она, испытывая чувство вины, открыла дверь шире.

– Я в полном порядке.

– В полном порядке? – Он шагнул в ее квартирку-студию

и закрыл за собой дверь.

– Да, в полном порядке. – Она вздохнула. – Хочешь чашку чая или чего-нибудь?

Он насмешливо вскинул бровь.

– Чего-нибудь? Ты тут не припрятала глоток бренди или виски, о котором я ничего не знаю?

– Да бога ради, какое это имеет значение, если и припрятала? – Она уже давно не в том возрасте, когда каждый считает нужным подтрунивать над тобой, и ее ничуть не волновало, если ее раздражение прорывается наружу. – На тот случай, если ты еще не заметил: я взрослая женщина. Это была фигура речи. Ты испытываешь облегчение, узнав, что в моих скорбных шкафах не припрятано ничего, кроме двух коробочек чая «Пи-джи Типс».

– Слушай, сегодня утром кто-то встал не с той ноги. Или все дело в том телефонном звонке?

Ник сложил руки на груди и прислонился к стене.

– Это абсолютно никак не связано с твоим гребаным Себастьяном Финлеем. Я устала оттого, что вся семья относится ко мне, как к маленькому ребенку. Мне почти тридцать, ё... – Она замолчала на полуслове, увидев, что он нахмурился. Если она бранилась, то он выходил из себя. – Ёлки зеленые. Мама и папа начинают суетиться вокруг меня, а потом к ним присоединяются эти хреновы Джонатон и Дэн. Кэт и Гейл обе считают, что это смешно, когда вы начинаете устраивать гребаную бурю в стакане воды. А ты хуже всех –

приходишь и строишь из себя старшего брата. Мне этого не нужно. – Она твердо стояла на своем, сердито глядя на него и сжав в кулаки опущенные по бокам руки. Хотя у нее и возникло искушение припустить по комнате и броситься на диван, но она сдержалась: это походило бы на детскую истерику, а ей нужно было, чтобы Ник знал, что они все сводят ее с ума. Может, ей сегодня чуток тестостерон в голову ударил, может, немного устала, но все это копилось в ней уже несколько месяцев.

– Это только потому, что мы тебя любим, – объяснил Ник.

– Я это понимаю, правда.

– Но?

– Я... Я чувствую... – Проблема, однако, состояла в том, что она не знала, что чувствует. Разочарование. Раздражение. Слабость. Сидение в доме. Толчение воды в ступе. Сююки, ее подружка с работы, шеф по выпечке, отправилась в Нью-Йорк. Ее карьера шла на взлет. А у Нины и карьеры-то никакой не было, уже не говоря о возможности взлететь. К несчастью, у нее не было опыта, не говоря уже о профессиональной поварской подготовке или дипломе, чтобы подать заявление на место Сююки. Ник это не смог бы понять, как и остальные члены семейства. Они все были довольны и счастливы, хотя она подозревала: Ник иногда был не прочь оставить ферму и чуточку расширить свои горизонты. Только Тоби оторвался ненадолго от семьи, когда уехал в Бристоль учиться на ветеринара, а теперь вернулся и обос-

новался всего в каких-то пятидесяти милях от них, хотя этого вполне хватало, чтобы выйти из каждодневной опеки.

– Я знаю: быть самой младшей нелегко, к тому же единственной девочкой, а мама и папа и вправду волнуются, потому что у тебя было довольно трудное начало...

– Не смей об этом говорить! – Нина подняла руку.

– О чем? О том, что ты чуть не родилась мертвой? Но так оно и есть.

Нина закрыла лицо руками.

– Да, и это история. Можно подумать, что я всю свою жизнь на пороге смерти. Кроме аппендицита, простуд, ветрянки, я ничем и не болела по-настоящему.

Ник ничего на это не возразил.

– Что – болела? – домогалась она.

– Нет, – признал он с неохотной улыбкой. – Так ты мне что, не дашь чая или чего-нибудь такого?

– Да бога ради, перестань.

И теперь Нина и в самом деле рванула, как с низкого старта, в пространство кухни, чтобы включить чайник. По правде говоря, она еще не могла отправиться спать, Нина все еще ждала, когда остынут бисквиты, чтобы их можно было соединить со сливочным кремом и орехами.

– Эй. – Она легонько ударила его по костяшкам пальцев чайной ложкой, когда он схватил и быстро надкусил один из ее свежих сконов.

– Ммм, вкуснота.

Нина на скорую руку готовила чай, делая вид, что не замечает брата. В правильной готовке чая было что-то успокаивающее, к тому же она представляла собой хорошую тактику проволочек.

Она принесла чайник, и – ввиду крупных размеров Ника – кружку, и одну из его любимых старинных чашек, и блюдца, поставила все это на небольшой круглый обеденный столик слева от кухонной зоны. Единое жилое пространство было идеальным для одного обитателя, и она намеренно свела число мест за столиком до минимума. Это была ее норка, и она позаботилась о том, чтобы эта квартирка отвечала ее представлениям о прекрасном. Нина выкрасила стены в пастельные тона, купила хорошенькую, изящную ткань с цветочным рисунком для занавесок и подушек, чтобы ее квартира имела определенную женскую ауру. То, что всю свою жизнь она провела в окружении четырех парней, определенно повлияло на выбор декора. Выросла она на ферме, где большинство вещей имели практическое применение и отличались прочностью. Цвета здесь никогда не имели значения. Джонатон и Дэн красили стены в своих спальнях в переливающиеся черный и белый цвета, чтобы напоминать об их любимом «Ньюкасл Юнайтед»⁴, а других требований к интерьеру у них не было.

– Прошу. – Она подвинула кружку с чаем к брату.

⁴ «Ньюкасл Юнайтед» – английский профессиональный футбольный клуб из города Ньюкасл-на-Тайне. Цвета клуба – черный и белый.

– Так из-за чего вся эта кутерьма? – спросил Ник, выражение его лица смягчилось до сочувственного.

– Да оно все созревало потихоньку. Я чувствовала, что меня как-то заело. Словно я стою на месте и никогда ничего толком не сделаю.

– А что ты хочешь сделать?

Нина погладила пальцем кромку блюда. Глупая это была идея. В конечном счете один раз она там уже побывала и только наломала дров.

Из всех братьев Ник был для нее самым близким. Возможно, потому, что жизнь у обоих не удалась.

– Тебе никогда не хочется уехать отсюда? Жить, ни от кого не завися.

У Ника перекосило рот.

– Очень редко, но я все же задумываюсь, не пропустил ли я что-нибудь. Жизнь внутри нашей семейки нельзя назвать легкой. Но я люблю фермерствовать, и вряд ли у меня получится сорваться с места и забрать с собой ферму. А потом я забираюсь на вершину холма и смотрю вниз на долину, обвожу взглядом кривую каменных стен, которые простояли здесь много веков, и чувствую, что это место мое. В этом есть преемственность.

Нина посмотрела на него снизу вверх и кротко улыбнулась. Он всегда был ее героем, хотя она не собиралась сообщать ему об этом. Он и без этого иногда задирает нос. Потому что, несмотря на все его мальчишеские речи и подкалы-

вания, Ник был доброй душой и знал свое место в мире.

Нина вздохнула, не желая показаться неблагодарной.

– По крайней мере, от тебя есть польза. У тебя есть нормальная цель в жизни и нормальная работа.

– А чем ты хочешь заниматься?

Она скорчила гримасу и снова принялась гладить кромку блюда.

– Уехать на какое-то время. Стать самой собой. Разобраться, кто я на самом деле.

Ник сконфуженно нахмурился.

– Я сейчас не использовала слова на букву «ё», потому что знала, ты этого не одобришь.

Вид у него стал еще более сконфуженный.

– У меня такое чувство, будто я толку воду в ступе. Я хочу... я хочу готовить, как полагается, а не просто делать печенюшки и всякие штучки-дрючки.

– Ты хочешь быть шефом? Но ты уже пробовала. – Он ткнул в нее пальцем. – Ты же не забыла эту историю с сырым мясом. Нервный срыв, паническая атака. Тебя еще и вырвало, кажется?

– Спасибо, что напомнил, но знаешь, чего я тогда не понимала? Не понимала я, что есть такие специализации, которые позволяют уйти от работы с сырым мясом. Я могла бы работать шефом по выпечке. Сюки, которая уехала в Нью-Йорк, она совершенно удивительная. Была. Это она меня вдохновила. Посмотрел бы ты, какие штуки она делала. Я...

Я... – Нина замолчала. Она пробовала печь кое-что дома с переменным успехом. На работе было трудно тратить время на наблюдения за коллегами, когда она должна была обслуживать столики, хотя Сьюки не возражала, если Нина была поблизости. Ей требовалась профессиональная подготовка. Конечно, ей требовались курсы по выпечке.

С того самого момента, как она услышала голос Себастьяна в машине, ее мысли все время возвращались к его словам о том, что он собирается вести курсы по выпечке. Ему требовались ноги. У нее было шесть свободных недель, ну, почти шесть. А мама и Кэт наверняка смогут найти кого-нибудь другого, кто попек бы им несколько недель печенье.

Это был самый-самый счастливый случай, какой ей когда-либо подворачивался. Она была бы дурой, если бы не воспользовалась им. И Нина не сомневалась, что случай именно таким и станет – счастливым, даже несмотря на Себастьяна. Ей представлялась идеальная возможность продемонстрировать всем, как неравнодушно относится она к кондитерским. Доказать всем, что она наконец-то нашла свое призвание.

- Ты поговоришь с ним обо мне?
- С кем? – недоуменно спросил Ник.
- С Себастьяном.

Глава третья

Когда Нина сошла с поезда на парижском вокзале Гар-дю-Нор⁵, думая о том, как это замечательно и удивительно, что она теперь в другой стране, что она со свистом промчалась под каналом, ей захотелось ущипнуть себя. Всего два часа назад она была на вокзале Сент-Панкрас в Лондоне, и вот она уже в Париже. В веселом Париже. Она сама себе хозяйка. Семья осталась дома. Она словно скинула с себя тяжеленное пуховое одеяло, которое грозило ее удушить. Даже когда Нина садилась в машину с отцом, который отвез ее на вокзал, мать сунула ей пачку евро в руку и пробормотала: «Это тебе на такси, когда доберешься. Чтобы тебе не таскаться в метро со всеми сумками».

А потом то же самое сделал и отец, высаживая ее на вокзале. Дай бог здоровья им обоим. Она не была неблагодарной, но правда же! Она вполне могла добраться до вокзала и сама. На метро.

Хотя она всю дорогу в «Евростаре»⁶ слушала приложение, обучающее французскому, ее немного разочаровало то, что она не смогла понять ни одной фразы на французском, ко-

⁵ Северный вокзал (Gare du Nord) – один из семи вокзалов Парижа.

⁶ «Евростар» (Eurostar) – компания, занимающаяся высокоскоростными железнодорожными пассажирскими перевозками в Европе. Поезда компании, в частности, соединяют Лондон с Парижем, пересекая Ла-Манш по Евротоннелю.

гда в нее, словно автоматной очередью, со скоростью тысяча слов в секунду «выстрелил» человек за стойкой информации. К сожалению, он был исполнен решимости не говорить ни слова по-английски, и единственное слово, на котором они сумели остановиться, было «такси». Маловато для ее первой самостоятельной вылазки! Ну, по крайней мере, мама с папой будут довольны.

* * *

Такси привезло ее на широкий бульвар, высаженный деревьями, в тени которых расположились маленькие кафе с их выносными столиками и стульями. По сторонам улицы стояли пяти-шестиэтажные здания, тянущиеся вдоль всей дороги, у всех окон были такие хорошенькие балкончики из кованого железа, а внушительные парадные деревянные двери располагались на одинаковом расстоянии друг от друга.

Несмотря на старинные каменные стены и тяжелую деревянную отделку, двери открывались через домофон, и Нина вскоре оказалась в строгом холле с плиточным полом и узкой винтовой лестницей. Себастьян поселился в отеле, потому что здесь, в его многоквартирном доме, не было лифта. Нина, вздохнув, посмотрела вверх на лестницу. Как, черт побери, она потащит здоровенный чемодан, тяжелую хозяйственную сумку и свою сумочку на верхний этаж? *Вот она – независимость. Не забывай: ты сама ее хотела.* Но Нина

все же оглянулась в надежде, что вдруг кто-нибудь возникнет ниоткуда и поможет ей. Но в отличие от кинофильмов, никакой прекрасный рыцарь не явился ей и не предложил помощь. Раздосадованно застонав, Нина надела сумочку на шею, повесила на плечо хозяйственную, взяла чемодан и пошла.

Следуя отправленным по телефону инструкциям Себастьяна, Нина позвонила в квартиру 44В и не успела убрать палец с кнопки, как дверь распахнулась, и Нина отпрыгнула от неожиданности.

В раскрывшемся проеме двери она увидела стройную женщину. Ее абсолютно прямые светлые волосы, собранные сзади в аккуратный хвостик, обрамляли лицо, подчеркивая высокие скулы и твердый подбородок. Она могла бы написать книгу о классической изысканности и высокомерном хладнокровии, излучаемых ее безразличным выражением лица, лощеными туфлями с заостренными носками, широкими брюками кремового цвета и шелковой светло-голубой блузочкой с высокой шеей – все это бросило Нину в жар и в пот.

– Bonjour, je suis Nina. Je suis ici pour les clés de Sebastian⁷.

Она в отчаянии пробормотала эти слова, и, судя по быстро скрытой улыбке на лице этой элегантной женщины, попытка Нины была не из самых удачных.

⁷ Добрый день. Меня зовут Нина. Я пришла за ключами от квартиры Себастьяна (*фр.*).

– Бонжур, Нина. Я слышала, как вы поднимались с самого первого этажа. – Нина почувствовала неодобрительную нотку в словах женщины. – Меня зовут Валери дю... – Фамилию Нина не разобрала. Валери говорила так, будто глотала все слоги подряд. – Вот ключи. Она вытянула руку с ключами, и на лице у нее появилось царственное выражение, которое говорило: «Держись от пейзажей на расстоянии». – Когда увидите Себастьяна, передайте ему мои наилучшие пожелания. – Ее безупречный английский и очень сексуальное произношение усилили в Нине ощущение собственной простоты и неумытости с дороги. – Мне его будет не хватать, мы отлично проводили время, – добавила Валери, сопроводив свои слова осведомленным, бесстыжим взглядом.

Нина сглотнула слюну.

– Передам, спасибо.

Валери, которая, судя по ее виду, была не меньше чем на пятнадцать лет старше Себастьяна, бесшумно закрыла за собой дверь.

«Добро пожаловать в Париж, – пробормотала себе под нос Нина. – Надеюсь, вы хорошо провели время в пути. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь ко мне – вы ведь в чужой квартире, в незнакомом городе и ни души здесь не знаете».

* * *

Нина с трудом протиснулась через дверь, таща за собой чемодан, и в этот момент звякнул ее телефон.

«Думаю, ты уже добралась. Мне нужно, чтобы ты принесла мне кое-что в отель из моей квартиры. Позвони мне, и я тебе расскажу, что надо взять. Если ты придешь, мы сможем поговорить о том, что от тебя требуется. Предлагаю встретиться около трех. Себастьян».

Она немного расстроилась, прочтя чисто деловой текст. Неужели он не мог дать ей какое-то время? Она в Париже меньше часа и понятия не имеет, как отсюда попасть в отель. В данный момент ее приоритет – чайник, кофе и поискать еду в кухонном шкафу. Мог бы, по крайней мере, дать ей возможность устроиться.

* * *

Себастьян просто свихнулся со своим педантизмом, решила Нина, стаскивая со шкафа в коридоре чемодан на колесиках. Ей, конечно, будет легче доставить ему то, что он просит, в таком чемодане, а не в полотняной сумке, о которой он ей сказал. Чемодан на колесиках, походивший на огромного серебряного жука с защелками на боках, тащить

будет гораздо легче, чем нести сумку.

После короткого разговора, во время которого он назвал ей адрес отеля, Нина записала, что ему принести. Прежде всего ноутбук и бумаги, которые она собрала на столике перед диваном. Потом она перешла в спальню. Пять рубашек, как он просил, сложенные, упакованные, пакет с туалетными принадлежностями, которые она собрала в ванной на туалетном столике, включая лосьон после бритья «Том Форд», о котором он отдельно упомянул, и нет: она не стала, как сделала бы это девчонкой, нюхать лосьон, хотя ей и было интересно узнать, как он пахнет. Потом нижнее. Она нерешительно выдвинула верхний ящик. Да, ящик с нижним бельем. Она могла бы догадаться, что его стиль – джерсовые боксерки. Причем «Кельвин Кляйн», а не «Маркс энд Спэнсер». Нина не то чтобы видела много мужского нижнего белья, но... это показалось ей чем-то слишком уж личным. Представлять себе Себастьяна в этих трусах. Нет, это уж слишком. Он ей вообще никто. Так, друг Ника. Когда тот был глупым мальчишкой. Она его всегда знала. Нина сказала себе: «Делай, что попросили, и перестань быть дурой». Она схватила груду трусов и почувствовала в них картонную коробку. Черт. Это уже совсем другие игрушки. Морщась от этой двойной двусмысленности, она посмотрела на коробку. Презервативы. Упаковка на двенадцать штук. Ультратонкие. Коробка вскрыта.

Не заглядывай внутрь. Не делай этого.

Она рухнула на кровать.

Четырех нет. Себастьян. Занимался сексом. Занимается сексом. Занимается сексом!

И ее это абсолютно, категорически не интересовало. Не имело к ней никакого отношения. Она не собиралась смотреть, когда ими пользовались по дате на них. И не было никакого разумного основания для ее сердца предаваться этому глупому, дурацкому, нелепому, щемящему чувству.

Себастьян был привлекательный парень. Это не государственная тайна. Конечно, у него были женщины. Когда она видела его в последний раз, у него была подружка. И когда перед этим видела. Тогда была другая. Да, подружки у него были. Она это знала. Никакой это не сюрприз, и ей все это совершенно безразлично.

Вот черт. Так что же ей с этим делать? Проигнорировать? Сделать вид, что не видела? Но он же знает, что они у него тут лежат. Он будет знать, что она их видела. А может, Себастьян про них и думать забыл. Если она упакует их, то это будет означать, что ей абсолютно безразлична эта находка. Что она взрослая женщина и относится к таким вещам с пониманием. Хотя если они ему понадобятся, то интересно бы узнать, как он будет маневрировать со сломанной ногой. И откуда у нее вдруг взялась эта мысль? Она поспешила сунуть их в чемодан. Ведь так поступает ответственный человек, верно?

К несчастью, в метро был какой-то затор, и она опоздала, а когда вышла на улицу, заморосил дождик. А как же иначе, черт бы его драл, потому что без дождя ее идеальная стрижка каре, которая должна была символизировать ее новый, более взрослый имидж, стала немного курчавиться, ее остроносые туфельки на шпильке, демонстрирующие ее парижскую умудренность, убивали ее, а дьявольски дорогие прозрачные колготки оказались забрызганы грязной водой. А еще выяснилось, что названные им пять минут пути до отеля из метро – технически верны при условии, что ты мистер Усэйн Болт⁸.

К тому времени, когда она поднялась по лестнице, ведущей к дверям отеля, ковыляя на своих каблуках со всей стремительностью Тони Кертиса⁹ из «Некоторые любят погорячее», было почти пять часов. Швейцар открыл ей дверь, и Нине удалось изобразить едва заметную улыбку, которая тут же пропала с ее лица, когда ее мокрые туфли поскользнулись на одной из плиток. Спасая себя от падения, она по-

⁸ Усэйн Сент-Лео Болт (род. 1986, Ямайка) – ямайский легкоатлет, спринтер, восьмикратный олимпийский чемпион и одиннадцатикратный чемпион мира.

⁹ Тони Кертис (1925–2010) – американский киноактер, сыгравший, в частности, роль Джозефины в фильме «Некоторые любят погорячее» (Some Like it Hot), в советском прокате фильм назывался «В джазе только девушки».

жертвовала чемоданом на колесиках, который, мгновенно раскрывшись, взорвался всеми цветами радуги и тканями. И конечно, эта треклятая коробка с презервативами, вывалившись из чемодана, заскользила по полу и остановилась в дюйме от до блеска отполированных туфель каштанового цвета на ногах высокого темноволосого подобия Грегори Фитусси¹⁰.

По закону подлости, он присел, поднял коробочку и протянул ей, отчего она зарделась, как обожженный солнцем помидор.

– Мерси, – пробормотала Нина и улыбнулась ему беззаботной улыбкой, спокойно взяла из его рук коробку, словно такие приключения случаются с ней постоянно и она не придает этому никакого значения, ничуть этим не смущена и не сгорает на медленном огне изнутри.

Мужчина кивнул ей с очаровательной улыбкой, сказал что-то на быстром неразборчивом французском и ушел, обойдя боксерские трусы.

Ощущая, что она в некотором роде стала центром внимания в наполненном людьми вестибюле, хотя никто из них не бросился ей на помощь, Нина поспешно принялась хватать и как придется заталкивать в чемодан разбросанную одежду, потом закрыла его, пригладила волосы и направилась к ресепшену. Себастьян сказал ей, чтобы она назвала портье его

¹⁰ Грегори Фитусси (1976) – французский актер, наиболее известный по телевизионным сериалам.

имя, и та даст ей ключ от номера.

Одному богу известно, что люди вокруг думали о том, зачем ей нужен чемодан с презервативами и мужской нижней одеждой. Портье смирила ее решительно ледяным взглядом. Все, вероятно, решили, что она – девочка по вызову, что почти соответствовало действительности, так как несколько следующих недель она и правда будет девочкой на побегушках у Себастьяна.

Глава четвертая

Номер Себастьяна на девятом этаже очень удобно располагался рядом с лифтом. Нина громко постучала несколько раз, потом вставила карточку в слот. Три попытки спустя маленький огонек наконец загорелся зеленым светом, и ее сердце забилося с такой силой, что она чуть ли не ощутила дрожание ребер. И это было просто нелепо.

– Нина? – Голос Себастьяна донесся из-за другой двери в коротком тусклом коридоре.

– Да, это я. – Ее голос прозвучал тоненько и пронзительно. Она сделала глубокий вдох. Это было десять лет назад. Сейчас они старше и мудрее.

– Ты опоздала.

Нина вздохнула, закусила губу и распахнула внутреннюю дверь.

Она не сразу увидела его, а целую минуту разглядывала довольно величественную обстановку. Нина знала, что ведет себя трусливо, но ничего не могла с собой поделать: ноги у нее подгибались, как у новорожденного теленка на ферме. Волна тоски по дому нахлынула на нее, желание вернуть время назад, в те дни, когда Себастьян был лучшим другом ее брата.

– Да, это номер люкс. – Сухой голос Себастьяна доносился с дивана перед ней, на котором виднелась его голова.

Нина представляла их первый разговор вовсе не таким, правда, она в принципе с трудом представляла себе, каким он вообще будет.

– Безусловно, – сказала она, используя возможность заняться разглядыванием роскошной комнаты, вместо того чтобы встретиться с пристальным взглядом Себастьяна.

Да, комната поражала своим великолепием, она была в два раза больше ее квартирки в Англии; два дивана один напротив другого, ряд балконных дверей, выходящих на три балкона, громадный телевизор. Мебель под старину вдоль стен по обе стороны двух двойных дверей, ведущих, как она предположила, в спальни.

– И все это для тебя одного.

– У меня хорошие друзья, – сказал Себастьян хриплым и сердитым голосом. – К тому же этот номер ближе всего к лифту.

Наконец она перевела глаза на его тело, лежащее на диване, голова на спальных подушках у подлокотника. Оскорбительно яркий голубой гипс резко контрастировал с бледно-желтым шелком дамастовых диванных подушек.

– Ты выгля... – Она вовремя остановилась. Сообщение о том, что выглядит он ужасно, вряд ли было бы принято на ура. Внутри нее маленькая дерзкая девчонка, не отличающаяся ни малейшим благородством, кричала во все горло: «Ура! Себастьян Финлей выглядит ужасно. Жутко. Гнусно. Абсолютно непристойно. У его кожи серый оттенок, волосы

сальные и прилипли ко лбу, фу. Под глазами фиолетовые тени, на подбородке многодневная щетина. У белой футболки затасканный вид, и ко всему прочему на нем были трусы. Себастьян в трусах». Ее рот скривило. Ей хотелось исполнить один из тех победных танцев, что исполняют футболисты, когда бегут по полю, задрав футболки на голову.

– Спасибо, – сказал он, иронично предвосхищая конец не досказанного ею предложения. – Извини, что я не встаю.

– Тебе, кажется, неудобно, – сказала Нина, внезапно осознавая, что ведет себя совершенно ненормально, стараясь не смотреть на верхушку гипса, где тот встречался с трусами. Да бога ради, что же это такое с ней происходит.

Он поджал губы, но не подтвердил ее замечание.

– Я это... твои вещи. Принесла их. Куда мне поставить чемодан?

Себастьян закрыл глаза, словно запасался терпением, потом посмотрел на свою ногу.

– Извини, ты хочешь, чтобы я разобрала твои вещи? – сказала Нина.

– Это было бы неплохо, – сказал он с саркастической ноткой в голосе. – Ты принесла мой ноутбук? Зарядку для телефона? Дай мне прежде всего их.

Нина подтащила чемодан ко второму дивану и открыла его.

– Господи, Нина. – Себастьян нахмурился. – Ты зачем все это так затолкала в чемодан? Эти рубашки были свежесве-

глаженные. А теперь у них такой вид, будто ты ими пол вытирала.

В его словах была правда, ими в некотором смысле и правда вытирался пол, но, прежде чем она успела извиниться или объясниться, он продолжил:

– Если ты будешь раздражаться каждый раз, когда я буду просить тебя о чем-то, что тебе не нравится, то из этого ничего не получится. Мне нужен человек, который будет мне помогать, а не избалованная примадонна, которая выбрасывает свои игрушки из коляски, когда ей что-то не нравится. Я знал, что совершаю ошибку. – Он закрыл лицо руками.

Нина развернулась, чувствуя, как раздуваются от гнева ноздри. Вероятно, это самая непривлекательная ее черта, но такое случалось с ней, только когда она была по-настоящему зла. А сейчас она была зла как никогда.

– Я ценю твое не особо высокое мнение обо мне, мистер Твоя-сестра-последний-человек-в-мире-которого-я-бы-взял-себе-в-помощники, но я не такая мелочная. Я сделала это не специально. Этот дурацкий чемодан открылся сам собой.

– Во-первых, это замечание никак не предназначалось для твоих ушей, и я приношу извинения, оно было не слишком тактичным. А во-вторых, да, с этим чемоданом такое случается, – пробормотал он, – поэтому я тебя и предупредил, что нужно взять сумку.

– Значит, поскольку это замечание не предназначалось

для моих ушей, оно как бы становится нормальным? – сказала Нина. – И я вовсе не уверена, что ты конкретно так и сказал про чемодан.

– Какая еще конкретика тебе нужна, чтобы ты наверняка взяла кожаную сумку со шкафа? Та, что с... – Выражение его лица ужесточилось, глаза сощурились. – Нина, из этого ничего не получится. Ты вполне можешь прямо сегодня собрать свои вещички и отправляться домой.

Целую минуту она стояла, сжимая и разжимая кулаки, чувствуя себя загнанной в тупик и глупой. Все шло не так, как предполагала. А предполагала она доказать, что прекрасно может обходиться без нянек.

– Послушай, ну, я виновата. Это мой первый день здесь. Я могу взять назад твои рубашки и постирать их. Ну это же не конец света.

– Не конец, – согласился он, поморщившись. – Но это неудобство. Это означает, что я должен просить хозяйственную службу, чтобы мне их постирали, а я уже и без того завалил всякими просьбами моего приятеля Алекса, который здесь генеральный менеджер.

– Он, наверно, по-настоящему хороший друг. Отель, кажется, довольно дорогой.

– Я тебе уже сказал, он оказывает мне услугу. Присматривает за мной, иначе я лежал бы в больнице. Так что я не хочу этим злоупотреблять. Он человек занятой, попробуй-ка руководить такой гостиницей. Я ему сказал, что помощь уже

на подходе, вот почему я так ждал твоего приезда.

Себастьян демонстративно посмотрел на часы.

– Извини. Ты что, целые дни один? – Теперь Нина по-настоящему почувствовала себя виноватой. – Ты когда в последний раз ел или пил?

– Вчера вечером, – коротко сказал он. – Но это ничего, сходить в туалет – вот настоящая проблема.

Вот в чем причина его мрачного настроения. С этим Нина умела справляться. Она знала, что такое сердитые мужчины.

– Без этой информации я могла бы и обойтись, – решительно сказала Нина. – Но поесть тебе что-то надо, чтобы сохранить силы.

Она взяла меню доставки еды в номера.

– Что тебе заказать?

– Удиви меня. Мне абсолютно все равно. Я устал от гостиничной еды.

Его апатичный вздох заставил ее замереть и приглядеться к нему внимательнее. Да, вид у Себастьяна был и в самом деле неважный.

Она села на диван напротив с меню в руке и даже на расстоянии уловила отчетливый запах немытого мужчины. Какая-то ее часть могла бы наслаждаться: впервые в жизни Себастьян предстал перед ней в таком жалком виде, но ее добрая часть победила все эти накопившиеся мелочные обиды.

– Тебе нужно поесть, – сказала она, смягчив голос. – Я знаю, тебе, может, и не хочется, а я и не врач, но думаю,

это тебе поможет. Как насчет лукового супа? Это довольно легкая еда.

– Мне не нужна нянька, – резко сказал он, от его апатии за считанные секунды не осталось и следа. – Мне нужна практическая помощь. Я не так уж голоден, но ты можешь мне заказать немного еды, лучше будет, если ты поможешь мне распаковать вещи.

* * *

– Ух ты, вот это здорово, – сказала Нина, разглядывая презентационные коллажи, прикрепленные к двум офисным мольбертам для флипчартов. Она вздохнула с облегчением: разговор на эту тему можно было вести без перехода на личности. Нина со всей скоростью, на какую была способна, достала одежду Себастьяна, повесила помятые рубашки в надежде, что они отвисятся и складки немного разгладятся.

Потом она подошла к коллажам, принялась разглядывать различные дизайны ресторанного интерьера.

– Два первых проекта хорошо продвигаются. – Себастьян нахмурился. – А вот для бистро, в которое я хочу переделать кондитерскую, так пока ничего толком и нет.

– Вид у всего шикарный и модный. – Нина в этом не разбиралась, но, судя по успехам, которых Себастьян добился со своими ресторанами в Англии, он знает, что делает.

– Такой у меня план.

Нина кивнула и с облегчением услышала стук в дверь – принесли еду.

Она взяла поднос у официанта и, когда тот помедлил несколько секунд, сконфуженно поняла, что нужно дать ему чаевые. Нина поставила поднос на кофейный столик, взяла свою сумочку, достала оттуда два евро и вручила ему, а когда развернулась, то увидела, что Себастьян вертелся, как червяк на крючке, пытаясь дотянуться до подноса, но, к несчастью, он сполз слишком далеко по диванным подушкам, а теперь ему не хватало опоры, чтобы вернуться на прежнее место.

– Постой, дай я тебе помогу, – сказала она, не в силах и дальше смотреть, как он мучается.

– Я тебе сказал, мне не нужна помощь, – сказал Себастьян, стирая пот со лба.

Нина проигнорировала его слова, обошла диван, подсунула руки ему под мышки, чтобы помочь ему сесть. Стоило ей дотронуться до него, как ее сердце подпрыгнуло в груди. Поток воспоминаний забурлил у нее в голове, и она испытала знакомое ей ощущение неотвратимости. Оказывается, у Себастьяна еще осталась физическая способность воздействовать на нее. Нина стиснула зубы. В будущем ей следует соблюдать дистанцию.

Невзирая на протесты и утверждения Себастьяна, что он вовсе не голоден, суп исчез довольно быстро. Отставив в сторону пустую тарелку, он сразу же взял свой ноутбук и при-

несенные ею бумаги.

– Что ж, мы вполне можем начать. У тебя есть бумага и ручка? – рявкнул он.

– Нет, я только сегодня приехала. Ты сказал, что работа будет два дня в неделю. Курсы не начнутся раньше среды. Я думала, тебе сегодня нужно только, чтобы я принесла твои вещи.

Себастьян открыл было рот, но, видимо, передумал, чтобы не наговорить лишнего.

– Считай, что время пошло прямо сейчас. Возьми листик. – Он кивнул головой в сторону пачки бумаги. – Прежде чем курсы начнутся, нужно успеть сделать кучу работы, а я, к сожалению, был занят планами для двух первых ресторанов, так что не успел ничего, перед тем как... – Он показал на гипс, на его лице появилось выражение отвращения. – Тебе придется начинать с нуля. Курс продолжается семь недель, то есть один полный день в неделю в среду, но мне понадобится, чтобы ты включалась предыдущим днем, что там все было готово. За эти семь недель мы рассмотрим всякие кондитерские изделия и методики... правда, насчет последнего занятия я все еще не решил окончательно. Может быть, внесу еще какие-то корректировки.

Следующие полчаса Нина демонстрировала чудеса стенографии, а сердце ее падало все ниже. Она представляла себе это совсем по-другому. В ее воображении она была операционной сестрой при умном враче-консультанте, точно

в нужный момент протягивала ему скальпель и аспирационную трубку, демонстрировала свою эффективность и надежность, одновременно перенимая его блестящее мастерство. Но ни в одном из этих снов наяву не было ничего похожего на подготовку пациента к операции, замену постельного белья, дезинфицирование операционной или уборку палат.

– Эй, Нина, ты меня слушаешь?

Она отчаянно закивала, выпрямилась и мысленно приказала себе сосредоточиться.

– Я закажу моим обычным поставщикам свежие ингредиенты: яйца, масло и сливки, но большинство основных компонентов – мука, сахарная пудра, сахарный песок – уже на кухне. Тебе придется заказать другие специальные компоненты у одного моего оптового поставщика. В первый день они нам не понадобятся, поскольку мы будем использовать основные компоненты. Я дам тебе реквизиты. А позже нам потребуются такие вещи, как лепестки роз, чистый экстракт ванили, кристаллизованные фиалки, фисташковая паста, клубничная нарезка глубокой заморозки и манговый порошок.

Нина воспрянула духом. Вот это уже больше походило на то, что она себе представляла. Занятное дело. Готовить для фермерского магазина не требовало особого искусства, она и во сне могла приготовить бисквитный торт «Виктория» или ореховое печенье с кофе. А с теми ингредиентами, что сейчас перечислил Себастьян, можно делать удивительные

вещи.

– Эй, с добрым утром. Ты все еще здесь? – раздраженный голос Себастьяна вернул ее в реальность.

– Извини, это, – Нина прикусила губу, – это такие кондитерские искушения. Не могу дождаться – хочу посмотреть, что ты делаешь со всеми этими ингредиентами.

Она месяцами наблюдала за работой шефа в кондитерском отделе ресторана, была заинтригована и восхищена ее творениями, но все стеснялась спросить, как она все это делает.

– У меня такое ощущение, что для освоения всех этих секретных заклинаний нужно быть колдуном сахара, волшебником шоколада и магом приправ и наполнителей.

– Это просто наука, – сказал Себастьян, недоуменно нахмурившись.

– Никакая это не наука, – возразила Нина, решив поначалу, что он просто дразнится, но его лицо было абсолютно серьезно. – Это магия. Приготовление замечательных, особенных, сладких снадобий из сахара и всяких сладостей. Это что-то вроде алхимии выпечки: превращение сахара в съедобную прелесть.

– Ты все витаешь в облаках, Нина, – сказал Себастьян, возвращая взгляд к экрану ноутбука. – Если быть абсолютно точным, то кондитерская отрасль – это больше про химические реакции, в которых точно выверенные количества двух-трех веществ, взаимодействуя друг с другом, превращаются

в другие вещества.

Она замерла и уставилась на него.

– Но... – В восемнадцать лет его страсть вдохновляла ее, описания блюд, которые он хотел приготовить, его паломничества к новым поставщикам в поисках этих специальных и уникальных ингредиентов.

– А что это за особый интерес к кондитерским? – спросил Себастьян, пронзая ее взглядом.

– Я... хочу научиться правильно готовить. Некоторое время я наблюдала за работой шефа кондитерского отдела, и... понимаешь, она удивительная, а я люблю заниматься выпечкой, и вот я подумала...

– Нина. – Он покачал головой и хохотнул с горестной издевкой. – Ты живешь в стране грез. За семь недель, что ты будешь мне помогать, ты ничему не научишься. На то, чтобы стать шефом кондитерской, нужны годы. Нужна профессиональная подготовка.

Нина почувствовала, что ее щеки начинают гореть.

– Я это понимаю, – отрезала она, пытаясь скрыть чувство обиды. – Я не такая дура. Но я хочу учиться... и это... начало.

– Что? Ты думаешь об учебе? Или это очередная...

Нина хотела было спросить «очередная что?», но она очень хорошо себе представляла, что он может сказать ей в ответ. У него-то с этим был полный порядок, Себастьян всегда знал, чем хочет заниматься. Он с детства не мог уси-

деть на месте, а еще ему на пути к его цели нужно было преодолевать сопротивление родителей, тогда как родители Нины в любое время были готовы подставить ей плечо, что бы она ни делала, а она, если уж по правде говорить, наделала много чего. Нина работала в садовом центре, когда думала стать ландшафтным дизайнером, подала заявление о приеме на работу в банк, когда собиралась начать строить серьезную карьеру, подрабатывала нянькой в яслях, когда решила стать учителем. Нет, она вовсе не была лодырем и не ленилась приложить усилия, просто ни одно из этих занятий не оправдало ее ожиданий. Но ей по-настоящему хотелось научиться готовить те удивительные сладости, которые на ее глазах в течение целого года готовила Сьюки.

– Ну хорошо, давай-ка начинать. Дел невпроворот. Я тебе дам набор ключей, хотя там на месте будет Марсель, менеджер. Он жалкий придурок, так что не обращай на него внимания.

– Как я понимаю, это из-за того, что он вот-вот потеряет работу.

– Когда откроется новое бистро, работа для него там будет. Мне понадобятся официанты. Дальше, если чего-то не хватает или запасы на минимуме, ты должна будешь докупить. Можешь пользоваться кредитной карточкой компании. – Он потянулся к кожаному бумажнику на столе. – Я продолжаю работу над списками продукции и рецептами, отправлю тебе по электронке. Проверь, все ли нужное обо-

рудование есть на кухне и достаточно ли всего для курсов из трех слушателей. – Он заглянул в блокнот у него на коленях. – Если чего не хватает, ты должна докупить. Слава богу, их только трое. Если повезет, то пара откажется, и тогда я смогу отменить курсы. Вот тебе список базовых товаров.

Она моргнула.

– Ты хочешь, чтобы я делала покупки.

– Это что – проблема?

– Нет, но тут дел гораздо больше, чем я рассчитывала. –

Она прикусила губу.

– Если ты считаешь, что не потянешь, то скажи об этом сейчас.

– Да потяну, конечно. Просто я не знала, что столько всего навалится.

– Я тебе деньги плачу не за то, чтобы ты бездельничала. Ты сама хотела приехать, а на пикник тут можешь и не рассчитывать. Я жду, что ты будешь работать. До седьмого пота.

Она распрямила плечи и, подавляя волну ярости внутри себя, спокойным голосом сказала:

– Я не боюсь работы.

– Отлично. – Себастьян снова заелозил на диване, засунул палец под верхушку гипса, потом заглянул в свой блокнот. – Что ж, тогда, пожалуй, все. Да, я тебе заплачу за лишний день на этой неделе, поскольку дел для запуска больше, чем я предполагал. Сегодня четверг. У тебя четыре дня, чтобы войти в курс дел и быть готовой приступить к работе. Уви-

димся во вторник. Съездим в кондитерскую, посмотрим, все ли готово к началу занятий в среду.

Он отодвинул тарелку и положил свои записи.

– Можешь положить тарелки на поднос и оставить их за дверью, когда будешь уходить.

– Ты не хочешь, чтобы я... ну, помогла тебе? – Нина кивнула, показывая на верхушку гипса, которая опасно приблизилась к его паху. Потом, поняв, как это может выглядеть со стороны, она залилась пунцовым румянцем. – Такое ощущение, что у тебя зуд. Но я хотела предложить помочь тебе помыть голову или что-нибудь такое.

На мгновение Нине показалось, что его холодный взгляд может превратить ее в ледяную статую.

– Я взял на работу помощника, а не няньку. – Потом, после долгой паузы Себастьян добавил: – И что не так у меня с головой?

Ее глаза широко раскрылись в невинном недоумении.

– Ничего.

Он положил ноутбук себе на колени и принялся стучать по клавишам.

– Насколько я понимаю, я тебе больше не нужна, – сказала Нина, чувствуя, что уже не в силах скрывать раздражение.

Он вытянул губы. Если бы он носил очки, он бы посмотрел на нее своим фирменным взглядом над оправой.

– Я ушла. – Она взяла свою сумочку, беспечно помахала ему на прощание и направилась к двери. – Пока.

– Пока, Нина. До вторника.

Выйдя в коридор, Нина почувствовала огромное облегчение и зашагала к лифту, покачивая головой. Прежняя ее любовь к Себастьяну осталась в прошлом.

Глава пятая

Нина чуть не прошла мимо «Кондитерской Си». Неужели это она и есть? Девушка смирив свое недовольство, пытается отыскать какие-нибудь позитивные слова о внешнем виде фасада с дверью посередине. Это было нелегко ввиду довольно печального состояния отслаивающейся краски слишком ядовитого оттенка, шелушки которой лежали на деревянных карнизах, придавая фасаду вид старухи, злоупотребляющей косметикой. Дверная рама стояла под зловещим углом, а мутным, словно пораженным катарактой, стеклам в окнах не помешала бы хорошая мойка.

Нина заглянула внутрь через эти стекла и увидела вполне себе профессионально обустроенное кафе, которое ничуть не напоминало традиционный, старинный интерьер с позолоченными финтифлюшками, как она себе представляла. Вокруг столиков стояли венские стулья, знавшие когда-то лучшие дни. Столики расположились ровными рядами, словно в тюремной столовой, а не в кондитерской, куда ходят, чтобы с удовольствием съесть пирожное с кофе. Что говорить, это заведение ничем не напоминало место, в меню которого входит удовольствие.

Нина не думала заходить внутрь, поскольку этот день собиралась посвятить общему знакомству с ситуацией, но погода стояла ужасная, и она решила согреться, быстро выпив

чашечку кофе, а потом уже вернуться в свою квартиру.

Она неуверенно вошла в помещение – в сумрачный интерьер кондитерской. Посетитель в этот час был всего один – пожилая дама, сидевшая за столиком; а из персонала кондитерской она увидела только мужчину, стоявшего за рядом стеклянных прилавков, в одном из которых был выставлен за стеклом небогатый набор из шоколадных эклеров, фруктовых пирожных и макарон¹¹. Вся эта роскошь словно специально собралась в центральной прилавке, чтобы не было скучно, остальные же прилавки пустовали. Довольно громко гудел холодильник, словно на последнем издыхании. Человек за прилавком даже не удостоил ее взглядом и продолжал вытирать стакан.

– Бонжур.

Нина осторожно улыбнулась ему, уже чувствуя по его наморщенному лбу и выражению сосредоточенности на лице, что он не из тех, кто расположен к дружеской беседе. Его сутулость, за которой он прятал от мира свое лицо, говорила, что он из разряда тех, кто придерживается правила «отваживай клиентов любой ценой».

– О, что для вас? – Он поднял голову с медлительностью столетней черепахи.

– Так вы говорите по-английски? – Это было облегчением. – Как вы догадались, что я из Англии?

¹¹ Макарон – французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля.

Он смерил ее взглядом, который говорил громче десятка мегафонов, а потом, чтобы усилить оскорбление, он подключил закатывание глаз, однозначно говорившее: «Ты-полная-идиотка-но-я-тебя-вытерплю-потому-что-работа-такая!»

«Серьезно? И все этого из-за одного «Бонжур»?»

– Меня зовут Нина. Я... буду работать у Себастьяна, – сказала она, стараясь говорить уверенным тоном, что было не очень легко ввиду явного отсутствия какого-либо интереса у собеседника. Если она предполагала, что имя Себастьяна нагонит на него страх, то холодное безразличие Марселя заставило ее задуматься о том, стоит ли ей вообще здесь находиться.

Вчерашняя встреча с Себастьяном сильно ее потрясла, практически уничтожив ее розовые мечты о волшебном превращении в офигенного шефа-кондитера. В течение нескольких коротких дней перед отъездом сюда Нина воображала, как будет наблюдать за ним в работе, впитывать все, как губка, одновременно занимаясь готовкой, набираясь опыта под его руководством и исполняя обязанности его достаточно очаровательной помощницы. Ей даже и в голову не приходило, что придется заниматься черной работой, подготовкой к запуску курса, закупкой, быть в такой мере предоставленной самой себе.

– У Себастьяна? – Неужели его рот способен искривиться еще больше.

– Себастьян Финлей – он купил эту кондитерскую.

– А-а. – Или это было «О-о»? – Новый босс.

– Он просил меня проверить запасы ингредиентов на следующую неделю и посмотреть кухню.

– Бога ради. – Он широким жестом показал вглубь заведения. – Вы никого не побеспокоите. Разве что призраков прежних шефов, которые начнут быстро переворачиваться в местах своего последнего упокоения. Бистро!

Он покачал головой, прядь волос, зачесанная набок, сместилась, и он нетерпеливо смахнул ее со лба, его глаза горели негодованием.

– У вас прекрасный английский.

– Я жил в Лондоне. Несколько лет служил метрдотелем в «Савойе».

Сказав это, он распрямился с царственной ухмылкой. Нина вообразила, что его ноги за прилавком выровнялись по-солдатски.

– Ух ты.

Нина посмотрела на него по-новому – уважительно. Метрдотель в «Боден-броке», где она работала, был чем-то средним между наседкой, старшим сержантом и овчаркой – он утешал, умасливал и все устаканивал, одновременно удовлетворял потребности гостей и персонала ресторана и делал это с невозмутимо-начальственным видом.

– Меня зовут Марсель. В настоящий момент... – Он сделал паузу. – Генеральный менеджер здесь, в «Кондитерской

Си».

Нина, мгновенно приняв решение, протянула руку.

– Нина. Рада познакомиться с вами, Марсель.

Как там говорят? Держи друзей близко, а врагов еще ближе. Завести дружбу с Марселем – это показалось Нине умным ходом.

Марсель проигнорировал ее протянутую руку, продолжил полировать стакан.

Нина выдавила приятную улыбку на лице.

– Может быть, когда у вас найдется минутка, вы мне покажете, как тут все, а пока я бы хотела выпить кофе и съесть эклер – выглядят они соблазнительно. Ничего, если я сяду вон там? – Она показала на один из столиков у окна.

Нина солгала. Вид у эклеров был довольно грустный и заброшенный. А губы Марселя искривились еще больше, словно говоря: «если ты так считаешь, то ты принадлежишь к еще более низкой форме жизни, чем мне показалось поначалу».

– Как угодно.

Нина внутренне поморщилась. Она надеялась, что все будет так забавно. Ан нет.

Она направилась к маленькому столику, а когда проходила мимо единственного клиента, та протянула руку и дотронулась до ее предплечья, на лице женщины мелькнула заговорщицкая улыбка, и она довольно громко сказала:

– Не волнуйтесь, он скоро повеселеет.

Марсель посмотрел на них обеих недобрым взглядом, ко-

торый наводил на мысль о том, что «скоро» – понятие относительное.

– Меня зовут Маргерит. Очень мило, что вы здесь.

– Привет... я хотела сказать, здравствуйте. – Маргерит не была похожа на человека, откликающегося на «привет», хотя она и широко улыбнулась, глядя на нее. – Рада познакомиться. Вы владелица? Я хочу сказать – старая владелица. Я хочу сказать – не старая, а прежняя владелица. – Нина перебирала слова, осознавая изящество пожилой женщины, которая выглядела идеально.

Женщина испустила довольный звонкий смешок, подняла подбородок и направила взгляд своих фиалково-голубых глаз на Нину.

– Увы, моя дорогая, нет. Я привыкла к тому, что я тут единственный клиент. Наверно, я принимаю это заведение как часть моего собственного маленького мирка. А вас что сюда привело?

– Я буду работать у нового владельца. Всего несколько ближайших недель. Помогать ему вести кондитерские курсы.

– Так вы кондитер? Вот это замечательный талант.

Нина оглядела собеседницу и понизила голос; в вопрошающем взгляде этой женщины было что-то, вызвавшее к откровенности.

– Вообще-то я помощник, только не говорите Марселю, не уверена, что ему это понравится. Я даже и не шеф, если

по правде. Для меня это возможность научиться чему-то новому. Я здесь пробуду всего семь недель.

Ядовитое соображение Себастьяна о том, что на кондитерского шефа нужно учиться годами, все еще не давало ей покоя.

– Я бы хотела уметь делать сладости.

– И я бы тоже, – сказала Нина с печальной улыбкой, а потом вежливо добавила: – Вам нужно прослушать курсы.

Женщина несколько секунд мрачно смотрела на нее.

– А знаете, я думаю, это очень неплохая идея.

– Ой, – сказала Нина, сраженная этими словами наповал – она вспомнила, как Себастьян радовался тому, что на курсы записались только трое.

– Если только вы не считаете, что мне не следует это делать. – На лице Маргерит появилось строгое выражение.

– Ни в коем случае, – ответила Нина. Еще один человек для Себастьяна ничего не изменит. – Я думаю, это прекрасная идея. Учиться новому можно и в старости... только вы, конечно, никакая не старая.

– Моя дорогая, я не впала в слабоумие. Мои умственные способности все при мне, а еще у меня в квартире есть зеркало, а оно, увы, довольно честное зеркало.

Выражение на ее лице смягчилось, она улыбнулась.

– Вы в нем прекрасно выглядите, – сказала Нина.

– Слушайте, мне кажется, мы поладим.

Нина улыбнулась ей.

– Я могу вас записать на курсы, если хотите.

– Отлично. А вы мне так и назвали своего имени.

– Меня зовут Нина.

– А я уже назвалась – Маргерит. Маргерит дю Фурж, я живу здесь неподалеку. Присаживайтесь ко мне. – Она наклонила голову в сторону пустого стула.

Нина села, внезапно осознав, что не знает, куда ей देвать руки. Маргерит была одной из очень элегантных пожилых дам, у которых всегда был такой же вид не выставляемого напоказ превосходства, как и у Валери. Неужели это что-то свойственное только парижанкам? Ее серебряные волосы были аккуратно уложены – иного слова и не подберешь – в идеальные серебристые волны, а косметика скрыта под тончайшим слоем пудры, смягчавшей морщинки вокруг ее глаз. Нина в своих черных джинсах, черном свитшоте и балетках рядом с Маргерит, облаченной в красновато-коричневую длинную юбку и ядовитую, цвета морской волны, блузку, чувствовала себя как воробей рядом с павлином.

Марсель принес Нине кофе и эклер и без спросу долил кофе в чашку Маргерит.

– Мерси, Марсель.

Она одобритительно кивнула ему, и его манеры тут же изменились, когда он ответил ей что-то на французском.

– Он хороший парень, – сказала Маргерит Нине, когда Марсель пошел прочь, надувшись, как пингвин. – Но он неплохо это скрывает.

– Вы сюда часто заходите? – спросила Нина. Слова Маргерит снова заинтриговали ее. Кондитерская вовсе не казалась таким местом, куда регулярно заглядывают такие клиенты, как она. Наверняка поблизости были и другие кондитерские, лучше.

– Мне сюда удобно заходить, – сказала женщина, чуть ли не читая ее мысли. – А еще мне кажется, я помню, как тут было прежде. – На лице Маргерит появилась задумчивая улыбка, смягчившая довольно высокомерное выражение ее лица, отчего она вдруг показалась Нине гораздо менее устрашающей. – А вы живете в Париже?

– Временно. Я только позавчера приехала. Ну, это длинная история.

– У меня много времени, и я люблю хорошие истории.

В глазах Маргерит снова загорелись озорные звездочки, превратившие пожилую даму в шаловливую фею Динь-Динь, и Нина вдруг поймала себя на том, что рассказывает ей всю историю, опуская, правда, ту часть, в которой Себастьян сказал, что она – последний человек в мире, которого он бы взял себе в помощники. Но не потому, что она хотела пощадить его, создать в глазах этой женщины привлекательный образ. Причина была другая: откровенность могла вызвать слишком много вопросов.

В конечном счете она добрый час проболтала с пожилой женщиной. Каждый раз, когда Нина думала, что их разговор уже закончился, Маргерит задавала ей еще один вопрос или

рассказывала что-нибудь о примечательных местах Парижа, которые Нина непременно должна посетить. Она чуть ли не жалела, что не взяла с собой блокнот. Когда Нина наконец поднялась и сказала, что ей пора идти – работа ждет, Маргерит знала все про ее семью и то, что она поселилась в квартире Себастьяна. Нина же за это время узнала местонахождение ближайшей к ее нынешнему дому пекарни, ближайшего хорошего ресторана и единственного супермаркета, в котором ей следует делать покупки.

Маргерит поднялась, и Марсель бросился к ней помочь надеть пальто, проводил ее до двери, открыл ее и выпустил из кондитерской.

Нина допила вторую чашку кофе и решила быть полезной и отнести ее на прилавок, чтобы Марселю лишний раз не ходить туда-сюда. Хотя он и стоял перед ней, но продолжал шумно мыть грязные кофейные чашки в крохотной посудомойке, расположенной под прилавком. Нина дождалась, когда он поднял на нее глаза и сделал вид, что только теперь заметил ее.

– Вы еще здесь?

– Да, – ответила она с улыбкой, удерживать которую было нелегко под его строгим взглядом. – И я хочу увидеть кухню.

– Добро пожаловать, – сказал он и продолжил мытье чашек. Песенка из «Красавицы и чудовища» рефреном зазвучала в ее голове, несмотря на тот факт, что Марсель был в такой же мере доброжелательным, в какой он был поющим

подсвечником¹².

По какой-то причине она стала напевать себе под нос эту песенку.

Марсель поднял на нее глаза, его лицо превратилось в невыразительную маску, он показал большим пальцем себе за спину и вернулся к своему занятию.

Значит, это будет так?

* * *

На минуту, входя на кухню, Нина чувствовала себя посторонним человеком, вторгающимся в замок чудовища. Черт побери. Кухня была чисто спартанская. И грязная. Когда Нина вышла на середину громадного помещения, ее пробрала дрожь. На большинстве поверхностей лежал слой пыли, и она была уверена, что если повернуть краны, то вода далеко не сразу заверещит в трубах и брызнет в раковину. Ей понадобятся долгие часы, чтобы привести в порядок это место. И Себастьян забыл сказать ей об этом.

Она чувствовала жирный пол под ногами, идя по скользкой поверхности, чтобы положить сумочку на один из рабочих столов из нержавеющей стали. По размерам и масштабам кухни было ясно, что когда-то здесь изготавливалась вся

¹² Приветственную песенку «Добро пожаловать» (Be my Guest – «Будьте моим гостем» в ином переводе) из мультфильма «Красавица и чудовище» исполняет подсвечник.

выпечка, которая продавалась в зале. Здесь у одной стены все еще стояли плиты, а у противоположной – огромные холодильники.

Нина выдвинула один из ящичков под столами, вся конструкция издала металлический стон, из ящичка торчали всевозможные кухонные принадлежности, пытаясь выпрыгнуть оттуда, как чертик из табакерки, словно их уложили туда в спешке. В комплекте принадлежностей не было никакой системы: сбивалки, деревянные ложки, лопаточки и скалки. Даже линейки? Ничто из содержимого ящичка не было чистым. На некоторых предметах оставались окаменевшие следы прежней выпечки и крема. Содержимое второго и третьего ящичков мало чем отличалось от содержимого первого.

На полках под столами стояли самые разные емкости, стаканы, изделия из глины и нержавеющей стали, и размерное разнообразие их было столь велико, что ум заходил за разум при виде такого количества сосудов, помещенных один в другой. Сковороды под соте, сковороды с утяжеленным дном, сковороды для жарки стояли одна в другой высоченными стопками, напоминающими Пизанскую башню, ручки их торчали во все стороны, как переломанные паучьи лапы.

Да как, черт побери, ей разобрать все это и уложиться вовремя?

Взывать к добросердечности Марсея не имело смысла, она была уверена, что ничего подобного у него и в помине нет. Он ясно дал понять, что на стороне врага. Она остава-

лась одна-одинешенька.

Без малейших преувеличений. Просить помощи ей было не у кого.

На какое-то мгновение Нине показалось, что волна паники сейчас снесет ее.

Нет, она все сможет. Ей нужно составить список, выбрать приоритеты, сделать бирочки, чтобы маркировать полки и ящики, чтобы у всего было свое место.

* * *

Когда Нина вернулась в зал, там не было ни одного человека. Марсель даже не посмотрел на нее. Из чистого озорства она спросила его:

– Маргерит – ваша единственная клиентка?

– Таких леди, как мадам дю Фурж, здесь мало. Она парижанка старой школы. Благородного происхождения. Изящная. Она приходит каждый день.

– Правда?

И опять Нина нахмурилась.

– Так было не всегда, – сказал Марсель, как отрезал.

– Извините, я не хотела...

– Нет. Именно что хотели. – В глазах Марселя неожиданно загорелись эмоции. – Когда-то это была одна из лучших кондитерских в Париже. – Он сделал уничижительное движение рукой в адрес крашенных светло-голубых панелей на

стене под рейкой для защиты поверхности стен от спинок стульев. — Когда я был мальчишкой, мы жили в четырех улицах отсюда и приходили сюда каждую субботу по утрам. Они делали лучшие слоеные пирожные. Это было их фирменное изделие. Но хозяин оставил кондитерскую своим детям. Они не были шефами-кондитерами. Времена меняются. Мы перестали готовить выпечку здесь, на кухне. Теперь живем на одних поставках. А это совсем не то. А вскоре мы закроемся, и ваш мсье Финлей откроет здесь свое бистро...

Марсель закрыл глаза словно от боли.

— Я так думаю, если кондитерская не приносит доходов...

Нина слегка повела плечами, как бы выражая сочувствие.

Марсель посмотрел на нее недовольным взглядом.

— Если бы кондитерская работала по-настоящему, то могла бы и приносить. Вот уже пятнадцать лет, как это никого не волнует. — С неожиданной раздраженной гримасой он добавил: — Так с какой стати я буду волноваться?

С этими словами он понесся вытирать один из столиков, хотя за ним, кажется, давно никто не сидел.

Нина нахмурилась, глядя ему вслед. Зачем он тогда здесь работает? Прежде он явно заправлял тут всеми делами.

Она вздохнула, посмотрела на часы и решила вернуться сюда на следующий день. У нее есть еще несколько дней, чтобы все привести в порядок, и она надеялась, что настроение у Марселя улучшится, хотя особо на это и не рассчитывала.

Глава шестая

– Ну и что у Себастьяна за квартира? – спросила мать у Нины на ее четвертый день пребывания в Париже.

– Миленькая, – ответила Нина, оторвав глаза от экрана – она разговаривала с матерью по видеосвязи, – чтобы окинуть взглядом квартиру.

– «Миленькая» ни о чем мне не говорит, – посетовала мать, добродушно нахмурившись.

– О'кей, очень миленькая. Так сойдет? – Нина посмотрела на высокие балконные двери, на маркизетовые занавески, чуть колышущиеся на ветерке. За окнами был крохотный балкончик, выходивший на бульвар. На верхнем этаже угловая квартира давала две разные перспективы, виды в обе стороны были великолепные, даже видна Эйфелева башня. С этим видом она была слишком хорошо знакома. Уже один тот факт, что она находится здесь одна и имеет возможность созерцать это в реальности, приводил ее в замешательство. К этому добавлялось не дающее Нине покоя знание о том, что ей нужно черт знает сколько времени проводить на кухне кондитерской и приводить ее в порядок. Марсель категорически отказался ей помогать. Она каждый день говорила себе, что у нее впереди целых семь недель, чтобы познакомиться с городом, и спешить ей некуда.

– Я бы хотела представлять, где ты находишься, детка. –

Горькая улыбка на лице матери заставила Нину почувствовать себя виноватой. А как иначе? Отточенная долгими годами опыта и воспитанием пятерых детей, эта улыбка стала не таким уж и тайным ее оружием. С телефоном в руке Нина вышла на балкон.

– Ах, какой вид! И день какой замечательный, солнечный. Почему ты сидишь дома?

– Разговариваю с мамой, – сказала Нина, снова наводя камеру на себя.

– Ну-ка, ступай на улицу. День просто великолепный.

– Я собиралась осмотреть город чуть позже. – Нине не хотелось признавать, что все ее осмотры до сего дня ограничивались стенами квартиры Себастьяна и посещениями кондитерской, где она была в роли уборщицы – скребла и чистила кухню, методически осуществляла реорганизацию ящиков и их содержимого.

– Ты только смотри там, поосторожнее. Я слышала, в Париже карманные воры просто ужас какие. Ты ремешок от сумочки вешай на шею и держи ее перед собой. Хотя я слышала, что они ремешки просто ножами перерезают.

– Ма, все будет в порядке.

Если ее мать таким образом побуждала ее к прогулкам, то вряд ли это могло принести желаемый результат.

– И смотри, обязательно...

– А вот это зона отдыха.

Она неторопливо сделала полный разворот с камерой.

– Ах, детка, замечательно. Миленко! Великолепно. Ты озорница.

Нина, вернувшись на экран, улыбнулась матери шаловливой улыбкой.

– Да, тут роскошь необыкновенная. Я думаю, что не видела диванов лучше этого. – Она погладила светло-серую бархатную обивку, похлопала по диванным подушкам цвета морской волны. – Я думаю, Себастьян привлекал какого-нибудь дизайнера интерьеров, цвета все такие успокаивающие, прохладные.

– Очень по-летнему, – сказала мать, которая была большой поклонницей цветового анализа и подбора цветовых сочетаний.

– Кухня?

Нина вздохнула, понимая, что мама не успокоится, пока не увидит всю квартиру. Она пересекла комнату и резко свернула в кухню-столовую.

– Боженьки ты мой, Нина! Какая красота!

Нина не могла не согласиться: большая комната без каких-либо перегородок с видом на Эйфелеву башню и в самом деле была замечательна. В этой обставленной по последнему писку моды кухне стояли отливающие глянцем шкафы без ручек и имелись все гаджеты, известные человечеству.

– Покажи мне кофемашину. Ой, Джон! Джон! Иди сюда скорей, посмотри.

Нина слышала, как ее родители восторгались по поводу

встроенной кофемашины из нержавеющей стали, прикидывали, куда бы им поставить такую и сколько она может стоить.

Нина пошла дальше, показала матери широкий коридор с мягкой подсветкой в нишах и плиточным полом, ванную с огромной душевой кабиной и миленькой синеватой плиткой.

– Как все мило, дорогая. Так ты и домой не захочешь возвращаться.

– Не переживай, ма. Как только Себастьян снова обретет способность двигаться, он захочет вернуть себе эти покои.

– А как он поживает, красавец? Передай ему привет от меня. Обязательно. Нам его не хватает. Он ведь практически жил здесь. – Нина закрыла глаза, точно зная, что последует дальше. – А потом вдруг... не знаю, почему он перестал приходить. Жаль, что мы его так редко видим.

– Может, потому, что он уехал в университет, а потом окончил школу кейтеринга, – уже, наверно, в тысячный раз высказала предположение Нина.

– Ну, мог бы заглядывать на каникулах.

Подбородок Нины напрягся, и она с благодарностью подумала: хорошо, что камера все еще направлена на современную душевую.

– Ну вот, экскурсия закончилась, – сказала Нина. – Как там овечки – ягнятся...

– Ты не показала мне спальню. Ну-ка, давай.

– Да обычная спальня. Кровать...

– Слушай, ведь это так интересно узнавать, как у них там в других странах. Ты разве так не думаешь?

Нина остановилась у дверей спальни. Никаких разумных оснований не показывать эту комнату матери у нее не было, но все равно...

Она открыла дверь, словно видела эту комнату в первый раз, и ощутила то же беспокойное чувство: она словно подглядывала за любовниками, вторгалась в чужую жизнь. В спальне она чувствовала это острее, чем в какой-либо другой комнате, вероятно, потому, что здесь было множество личных вещей.

– Ух ты, пододеяльник, очень мило. По-мужски, но со вкусом. Себастьян всегда отличался хорошим вкусом. Лампы очень приятные. А что он читает?

Нина проглотила слюну. Этот мужской атрибут в виде серого и бледно-голубого с черным покрывала постоянно напоминал ей о том, что она проводит ночи в спальне Себастьяна, а лежащий обложкой вверх открытый роман Дэвида Балдаччи¹³ лишь усиливал неприятное чувство, будто Себастьян вышел на минуту и вот-вот вернется.

Нина старалась как можно меньше времени проводить в этой комнате, по крайней мере, когда она не спит. Присутствие Себастьяна здесь подавляло ее.

¹³ Дэвид Балдаччи (1960) – популярный американский писатель, автор многочисленных романов ужасов и триллеров.

– Давай-ка посмотрим его фотографии, – сказала мать. Нина устало подошла к стене, противоположной кровати, к многосекционной фоторамке с набором снимков из разных лет. Она особо и не обращала внимания на эту рамку прежде, поскольку там была куча фотографий, копии которых она не раз видела: Себастьян с Ником и другими ее братьями.

– Ой, кажется, это я! – воскликнула мать. – Прекрасно помню этот день. Он тогда выиграл свое первое кулинарное соревнование. И прямо оттуда пришел ко мне и показал приз. Этот снимок сделал твой отец.

Нина помнила, как он готовился к этим соревнованиям. Они несколько недель подряд были его подопытными кроликами. Хорошо еще, что вся семья любила свинину.

– Милая фотография – на которой он с родителями, – сказала мать с симпатией в голосе. Нина по-прежнему держала в руках телефон, разглядывая фотографию Себастьяна в день окончания университета, он стоял между своими родителями, вид у него был напряженный и страдающий. Он получил свою степень, чтобы угодить родителям, хотя его влекло совсем другое. Через неделю после окончания он поступил в колледж на отделение кейтеринга.

– А вот это твоя – какая хорошая.

– Моя? – Голос Нины сорвался на писк, она подошла поближе к фотографии в углу, на которую совершенно не обращала внимания прежде. Ничего хорошего в ней не было. Фотография была хуже некуда. Она ухмылялась, как психо-

ванная, ее зубы и горящие глаза белели среди подтеков грязи на ее лице, а в руке она держала медаль, завоеванную в соревнованиях по спортивному ориентированию. Нина с отвращением вглядывалась в свое лицо, на котором расцветало счастливое выражение, чувствуя, как ее сердце в очередной раз неровно забилося, словно откликаясь на отголоски прошлого. На секунду слезы набежали ей на глаза. Она была такая счастливая, счастье просто переполняло ее. И не потому, что она пришла первая. Не потому, что побила свой личный рекорд. Не потому, что выполнила норму, позволявшую ей претендовать на включение в национальную сборную. Нина была счастлива оттого, что за финишной чертой ее ждал Себастьян. Оттого, что он обнял ее. Оттого, что так сильно прижал к себе. Оттого, что ей казалось, будто его губы выщиплют ей все волосы на макушке. Потому что его глаза горели гордостью и счастьем, когда он смотрел на нее. Разглядывая снова этот снимок в ряду других важных событий в его жизни, она нахмурилась. Она и представить себе не могла, что он хранит ее фотографию, не говоря уже конкретно об этом снимке. Нина не могла понять причину, почему Себастьян сохранил ее.

* * *

Храбрый голубь клевал у ног Нины многочисленные крошки, падавшие с круассана, после того как она откуси-

ла краешек. Нина очень гордилась собой: набралась смелости выйти и заказать кофе с круассаном в ближайшей пекарне, как и пообещала сделать матери перед окончанием их разговора. Нина, запрокинув голову, допила остатки кофе и встала с одной из зеленых скамеек, стоящих вдоль дорожки, ведущей к Эйфелевой башне. Солнечные лучи, согревавшие кожу, и выманили Нину из дома. Погода и вправду стояла слишком хорошая, чтобы сидеть дома, а разговор с матерью напомнил ей, зачем она вообще в Париже, бесчинствуют здесь карманные вору или нет. Поэтому Нина устроила себе выходной на сегодня. Она покончила с уборкой и раскладкой и осталась довольна своими аккуратными бирочками на полках, легко выдвигающимися ящиками, в которых все, насколько она это понимала, лежало на своих местах.

Нина шла пружинистым уверенным шагом, крепко держа ремень своей сумки и направляясь к громадной канонической башне. Время от времени она останавливалась, чтобы сделать фотографию и тут же отправить ее в семейный чат в «Ватсап». Нет, правда, хватит уже прятаться. Она покачала головой. Сегодняшний утренний звонок матери был только вершиной айсберга. Остальное семейство тоже ждало новостей и требовало регулярных апдейтов. Если Ник не отправлял ей эсэмэску с вопросом, как она там поживает, то на электронную почту приходило письмо от Дэна. Или же Тоби задавал ей вопросы на ее аккаунте в «Твиттере». Нина всерьез подумывала, не потерять ли ей телефон.

Нина спланировала свой маршрут, чтобы спокойно изучить город. Утром она, избегая оживленного движения, неспешно прогулялась по мосту, соединяющему Эйфелеву башню и Трокадеро. Что касается водителей, то для них пешеходы были лишь раздражителем, а если к тому же они ступали хотя бы одной ногой на проезжую часть, то и законной добычей. Никто, казалось, не обращал никакого внимания ни на разметку, ни на светофоры – водители машин и мопедов постоянно срывались с места, спеша заполнить освободившееся пространство впереди, как львы, бросающиеся на жертву.

Следуя карте, которую Нина нашла в квартире Себастьяна, она прошла по Левому берегу, а точнее сказать, по *Rive Gauche*¹⁴, который по-прежнему ассоциировался у нее только с парфюмом. Потом некоторое время она шла вдоль широкого пространства Сены, пока не свернула налево к Елисейским Полям, чтобы посмотреть на Триумфальную арку, которая оказалась гораздо больше, чем она предполагала, а движение машин вокруг нее здесь было еще более оживленным и непредсказуемым. Не случайно же это место имело репутацию самой безумной транспортной развязки в Европе.

Наслаждаясь чувством свободы и отсутствием необходи-

¹⁴ Название известных женских духов *Rive Gauche* в переводе с французского означает «Левый берег», под которым подразумевается часть Парижа, ассоциирующаяся с Латинским кварталом, художниками, писателями.

мости задавать кому-то вопросы, Нина решила зайти на ланч в один из ресторанов близ Елисейских Полей просто потому, что у нее была такая возможность. Ее брат Ник непременно уперся бы и предложил избегать главных туристических маршрутов, потому что рестораны здесь самые дорогие.

Дэн и Гейл заранее отыскиали бы рекомендации на TripAdvisor, а ее мать целую вечность провела бы у дверей, изучая меню, прежде чем позволить кому-нибудь из ее цыплят переступить порог этого заведения.

Ощущая свободу в принятии решений, Нина выбрала ресторан, который ей понравился, и зашла в него.

* * *

Мидии оказались чудесными, Нина наслаждалась каждой каплей роскошного вина, которым решила побаловать себя, увидев, что большинство французов, зашедших сюда на ланч, тоже заказывают вино. Хотя Нина и наслаждалась едой, ей мешала некоторая неловкость оттого, что она за столиком одна в ресторане, заполненном людьми. Ее усадили в углу неподалеку от туалетов. Чтобы не чувствовать себя уж совсем одиноко, Нина начала копаться в телефоне и чуть не выронила его, когда он вдруг зазвонил.

– Себастьян, привет.

– Нина, у нас проблема. Мне понадобилась срочная поставка товаров в другой мой ресторан, и я попросил моего

поставщика срочно выполнить этот заказ. Новый шеф захотел опробовать некоторые рецепты. Но это значит, что сегодня они не смогут поставить свежие ингредиенты в кондитерскую. Ты должна съездить к ним и купить что надо.

– Сегодня? – Нина посмотрела на часы. – А завтра они не могут доставить?

– Сегодня будет лучше. Не люблю все откладывать на последнюю минуту. Если, конечно, для тебя это не слишком большая проблема.

Нина заскрежетала зубами. Этот тип прекрасно умел пользоваться уничижительным сарказмом.

– Я это понимаю, но... – Она понятия не имела, где делать закупки. Нельзя сказать, что Париж был напичкан супермаркетами «Теско»¹⁵. Можно ли было купить эти ингредиенты где-нибудь близ кондитерской? Но Нина ни за что не стала бы спрашивать это у Себастьяна.

– Какая-то проблема?

– Нет, – сказала Нина. – Абсолютно никакой.

– Отлично, тогда увидимся завтра. Ты не забыла, что должна приехать за мной в отель? Я попросил швейцара вызвать такси на половину девятого. Трафик в Париже хуже некуда, так что смотри, не опаздывай.

¹⁵ «Теско» – британская транснациональная корпорация, крупнейшая розничная сеть в Великобритании.

Глава седьмая

Нина попросила электронный ключ от номера Себастьяна, и та же девушка-портье, что и в прошлый раз, посмотрела на нее, словно говоря: «Опять ты?»

Она постучала, чтобы не застать Себастьяна врасплох за какими-нибудь делами, но не успела провести ключом по щели, как дверь открылась. Нина отскочила от испуга.

– Вы не Себастьян, – сказала она, делая шаг назад и заглядывая в темно-карие глаза. – Ой, это вы!

Это был тот красивый и похожий на французского актера мужчина, которого Нина видела в вестибюле, когда ползала там на коленках.

– А, так вы та самая дама с капризным чемоданом и...

– Это были не мои, – сказала она. – Это все вещи Себастьяна. Я их просто привезла ему.

На его щеке появилась озорная ямочка – свидетельство того, что он пытается скрыть улыбку.

– Он наверняка нашел им применение в его нынешнем состоянии.

К счастью, его неожиданный шотландский акцент с перекатывающимся «р» позволил ей сменить тему.

– Так вы шотландец, – сказала Нина. Он ей казался французом с головы до пят.

– А мой килт я оставил сегодня дома, – шутливым голосом

проговорил он; теплая, дружеская улыбка, расплывшаяся по его лицу, сделала его куда как более приземленным и менее кинозвездным.

Не улыбнуться ему в ответ было невозможно.

– Извините, я решила, что вы француз. Вы, вероятно, друг Себастьяна, менеджер.

Несмотря на формальный костюм-тройку, улыбающийся ей Алекс все равно не был похож на менеджера. С этой его шаловливой улыбкой он больше походил на проказливого школьника-переростка.

– Угадали. Да. Только не говорите моей матери, что вы подумали, будто я француз. Она будет в ярости. Плохо уже и то, что я работаю здесь, а не в каком-нибудь хорошем, утонченном городе вроде Эдинбурга, до которого ехать от ее дома пять минут.

– Вы словно описываете мою мать. Меня зовут Нина. Я у Себастьяна новая... правая рука.

– А, маленькая сестренка, – сказал он, и его глаза неожиданно заплескали. – Я много о вас слышал.

– И наверняка ничего хорошего, – сказала Нина, и ее рот искривился в горькой улыбке.

– Не волнуйтесь, – сказал Алекс, тут же подкрепляя свои слова утешительной улыбкой, и искорка сочувствия в его глазах согрела ее. – Все, что он говорит, я делю на десять.

– От этого мое настроение не улучшилось.

Улыбка исчезла с лица Алекса.

– Слушайте, в своем нынешнем состоянии он зол на весь мир. Я его довольно давно знаю, считаю его одним из своих лучших друзей, и при этом он настоящая заноза в заднице. Но запускать новое предприятие всегда дело очень нервное. Впрочем... – в его глазах загорелись озорные искорки, – если этот неловкий негодник не будет осторожен, то окажется в винном погребе вместе с крысами. – Нина еле сдержала смех. Ей нравились веселые приземленные манеры Алекса, он чем-то походил на ее братьев.

– Глупо спрашивать, но этот неловкий негодник на месте? Алекс рассмеялся.

– Он на месте и сегодня крайне раздражителен. Вам бы потребовать с него надбавку за вредность. Себастьян вбил себе в голову, что должен помыть утром голову, и настоял на том, чтобы я ему помог, да еще и в такую рань. Пытаться помыть ему голову в ванной над раковиной все равно что помогать Бэмби устоять на льду. И вдруг этот глупый человек решает, что ему нужно принять душ. Я думаю, мы использовали на него весь промышленный ролл пищевой пленки.

Нина улыбнулась, видя, как вытянулось лицо Алекса, изображающего комическое удивление.

– Судя по тому, что вы говорите, это было достойное представление.

– Можно и так сказать, но с тех пор он лежит – отдыхает. Я заглянул посмотреть, не помер ли. – Лицо Алекса посерьезнело, он понизил голос, кинул взгляд через плечо, слов-

но там в любое мгновение мог появиться Себастьян. – Между нами, я дума...

Рация, висящая на его ремне, с треском ожила.

– Алекс, у нас проблема.

– Эти слова будут включены в мою эпитафию. – По его лицу пробежало хмурое выражение, он взял в руку рацию. – Буду через пять минут. Ладно, хорошо, мне нужно бежать. На моих плечах отель. Рад был познакомиться с вами, Нина. Мы наверняка еще увидимся. – Потом он повернулся и прокричал: – Я ухожу, Бас. Проведаю инвалида завтра, но тут появилась Флорри Найтингейл¹⁶, она снимет с меня часть нагрузки.

Дружелюбно махнув, Алекс прошел мимо нее к двери.

Когда Нина вошла, Себастьян пытался подняться на ноги.

– Ты опоздала.

– Извини, я...

– Оставь это на потом, нам нужно шевелиться.

Тон Себастьяна свидетельствовал о том, что на него появление Нины впечатления не произвело.

Она изобразила самую приятную свою улыбку, до такой степени растягивающей губы, что это доставляло ей боль. Нина не позволит ему досадить ей. Она будет само спокойствие и легкость и научится у него всему, что он знает.

– Ты не могла бы принести мой ноутбук и бумаги?

¹⁶ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

Он сделал движение костылями, демонстрируя, что может управляться одновременно с двумя.

Прежде чем она успела ответить, он сорвался с места, как скаковая лошадь со старта. Выйдя из лифта на первом этаже, Себастьян стал двигаться с удивительной скоростью. Он совершал прыжок на костылях, потом быстро упирал их в пол для нового прыжка. Так он прошествовал по вестибюлю с целеустремленностью одержимого, а потом по пандусу спустился на тротуар.

Швейцар стоял у такси, ждал их, открыл заднюю дверь для Нины, и она собралась было уже сесть, когда Себастьян нетерпеливо и громко запротестовал.

– Тебе придется ехать на переднем сиденье.

Он сделал неловкий разворот и встал перед дверью спиной к машине.

– Извини. Да, конечно. Дай я тебе помогу. – Она быстро положила ноутбук на переднее сиденье, чтобы взять у него костыли.

Себастьян уселся так, что теперь обе его ноги были вытянуты вдоль сиденья.

Таксист развернулся на водительском месте и «выстрелил» несколькими фразами на французском, сопровождая их экспрессивной жестикуляцией.

– Да-да, я пристегнусь, – сказал Себастьян, вертясь на месте в поисках ремня безопасности.

После нескольких неудачных попыток стало ясно, что в

таком положении ему не дотянуться до ремня и не пристегнуться.

Водитель сложил руки на груди, давая понять, что они никуда не поедут, пока пассажир не пристегнется.

Себастьян раздраженно вздохнул, а Нина тем временем уложила костыли на пол рядом с ним и просунула голову в салон, чтобы попытаться ему помочь. К сожалению, дело оказалось не таким простым. Нине не оставалось ничего другого, как опереться коленом в сиденье между его ногами, что было бы вполне приемлемым, если бы она не потеряла равновесие и ее рука не вцепилась в его пах, чтобы предотвратить свое падение.

– Ой, извини, – пропищала она. Стараясь не смотреть на него, стараясь быть практичной и прозаичной, она протянула руку и ухватила ремень за его плечами, что стало еще большей ошибкой, поскольку получилось так, что она чуть не уткнулась носом ему в грудь. Он ухватил ее за предплечья, чтобы остановить ее дальнейшее падение, а она с испуга заглянула ему в лицо, что было самой большой ее ошибкой из всех. В его темно-карих глазах, которые теперь настороженно разглядывали ее, виднелись крохотные красновато-коричневые крапинки. Неожиданно ей стало трудно дышать. Она увидела почти незаметный S-образный шрам в верхней части его щеки и невероятно густые ресницы. Сердце колотилось как бешеное, и она зачем-то выпалила:

– Ты сегодня пахнешь гораздо лучше.

Себастьян поднял одну бровь, которая выглядела даже слишком изящно, и уставился на нее.

Нина сглотнула комок в горле и пожала плечами, не в силах отвернуться.

— Я хотела сказать...

Она не договорила. Несколько секунд Нина отвечала на его неподвижный взгляд, а в груди у нее нервно колотилось сердце.

Себастьян внимательно смотрел на нее, не моргая. По выражению его лица трудно было догадаться, что у него на уме, хотя Нина и заметила его сжавшуюся челюсть и бледную кожу. Но не нужно забывать, что он всегда такой. Себастьян вечно становился серьезным, когда Нина оказывалась поблизости. Может быть, его охватывал ужас, когда ему приходило в голову, что у нее опять могут возникнуть какие-нибудь дурацкие мысли.

Нина наклонила голову, все еще витая в воспоминаниях, которые до сих пор обладали способностью вогнать ее в краску, и сильнее дернула за ремень безопасности. Наконец ей удалось, обхватить им Себастьяна, но длины ремня все еще не хватало, чтобы вставить пряжку в защелку.

— Спасибо, теперь я смогу его дотянуть.

Ядовитый тон Себастьяна ножом вошел в ее мысли, когда он взял пряжку из ее руки. Лишь мимолетное движение ее моргнувших век могло выдать поток чувств, обжегших ее, заставивших ее нервные окончания заплясать от неожидан-

ного восторга. Нина отдернула руку в ужасе от того, что почти неощутимое безличное касание до сих пор может иметь на нее такое воздействие.

Глава восьмая

Нина решила, что работа на Себастьяна будет безрадостной. Его рычание и ворчливый дурной юмор превращали его в настоящего больного на голову медведя. Неудивительно, что Марсель старался быть как можно менее заметным и к своей выгоде использовал труднодоступность главного входа для калек. Такси подвезло их к задней двери, ведущей в кухню, перед которой не было ступеней, а Себастьян, казалось, не имел ни малейшего желания идти дальше кухни, потому что для этого пришлось бы подняться по небольшому лестничному пролету в коридор кондитерской.

– Не туда, Нина, – поправил ее Себастьян, когда она стала двигать один из столов. – Вон туда, я хочу, чтобы они стояли буквой U. А потом можешь вытащить все весы.

Она твердо сжала губы и, стоя к Себастьяну спиной, приподняла угол тяжелого стола и с жутким скрежетом передвинула его в нужное место.

– Господи боже, неужели нельзя обойтись без этого?

Она проделала это еще раз только для того, чтобы досадить ему. Стол был дьявольски тяжел. Чего он ждал? Нина не подписывалась на полномасштабную перестановку мебели, но в конечном счете она поставила все так, как устраивало его.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты приготовила рабочее про-

странство для каждого из участников. У нас их теперь четверо. Появился еще один желающий, без которого я вполне мог бы обойтись.

Нина опустила глаза, подумав о Маргерит.

– Мы подготовим всю утварь, которая им понадобится. Первым номером завтра заварное тесто, нам для этого понадобится... – Себастьян мгновенно автоматной очередью выдал целый список. Заставил ее носиться по кухне, брать сби-валки, сотейники, мерные емкости, сита, миски и деревянные ложки, сам он тем временем восседал на табурете, уложив свой голубой гипс на перекладину другого табурета, и, заглядывая в свой телефон, время от времени издавал восклицания, бормотал что-то себе под нос и хмуро поглядывал на нее.

Гордясь собой за то, что ей удалось запомнить все, что он наговорил, и аккуратно разложить на столе, Нина сделала несколько шагов назад и окинула кухню взглядом.

Себастьян встал и прихромал к одному из рабочих мест.

– Не забудь, одно место нужно для нас, вернее для тебя. Я буду давать тебе указания в том, что касается азов, а когда дело дойдет до демонстрации всего процесса, показывать буду я.

Против этой части Нина не возражала, она надеялась многому у него научиться.

Нина почти закончила, когда Себастьян постучал ногтем по плоским стеклянным весам и нахмурился.

– Ты во всех батарейки проверила?

– Ммм... – Глаза Нины испуганно распахнулись. – Я...

– Да господи ты боже мой, ты же должна была убедиться, что они все работают.

Нина всплеснула руками.

– Понимаешь... я... я...

Себастьян уже перевернул одни весы, извлек из них маленькую круглую литиевую батарейку.

– Пойди спроси у Марселя, он знает, где это можно купить по-быстрому.

– Извини, я не...

– Не подумала? А как, по-твоему, они должны взвешивать ингредиенты? И где яйца? Я что-то нигде не вижу яиц. А запасы в кладовке ты проверила?

У Нины от страха отвисла челюсть. Она совершенно забыла и о том, и о другом. Сделав вчера закупки, она тащила столько масла и сливок, что не рискнула взять яйца. К тому же она не смогла найти их в супермаркете, а французское слово *oeufs* совершенно выскочило из ее головы. А потом, все принеся и загрузив в холодильник, Нина совершенно забыла проверить кладовку.

– Я... я... – Да почему же, когда он рядом, она превращается в какую-то косноязычную идиотку? – Где кладовка? Я сейчас проверю.

Он не закатил глаза, но все и так было понятно.

– Она наверху в коридоре, посередине между кухней и залом. Совершенно дурацкое место для кладовки, вот почему это здание придется полностью перестроить. Когда проверишь кладовку, узнай у Марселя про батарейки. Купи яйца, и быстро назад.

Губы Себастьяна сжались, на лице появилось знакомое выражение недовольства.

* * *

Нина столкнулась лицом к лицу с Марселем, когда, поднявшись по невысокому лестничному пролету, свернула в коридор за дверью. Его губы, казалось, вечно были вытянуты в форме чернослива – довольно забавно, что точно такую же форму придавал своим губам и Себастьян.

– Мне нужно проверить припасы в кладовке.

– Можете не смотреть, – сказал Марсель. – Она пуста.

– Пуста?

– Да. Предыдущий хозяин все продал.

– Все? – Она начинала повторять, как безмозглый попугай.

– Одной женщине, которая открывала кондитерскую шко-

лу в Лиле. Она приехала в доме на колесах и забрала все.

Сердце ее падало быстрее, чем свинцовый надувной шарик. Нина подошла к дверям кладовки, щелкнула выключателем. Полки стояли голые и заброшенные, а в мучном налете остались лишь очертания того, что отпечаталось прежде. Она повернулась, открыла двойные двери холодильника. На нее издевательски скалились пустые полки.

– Черт! – Она-то надеялась, что главные продукты стоят здесь, как и предполагал Себастьян. Он будет рвать и метать. Закупочный список растянется на сто страниц, и она понятия не имеет, как унесет все это. Он ей в этом деле не помощник, а Марсель, даже если бы и выразил желание, должен оставаться за прилавком. И обратиться за помощью не к кому. Покусывая губу, Нина вдруг пожалела, что рядом нет ее семьи, всегда готовой прийти на помощь.

Она медленно закрыла холодильник, а ее плечи тяжело опустились.

– Может, вот эта штука будет полезна.

Марсель из угла кладовки достал одну из таких ярко раскрашенных тележек для покупок, какими пользуются старушки.

Нина, прежде чем вернуться на кухню, потратила еще минуту, в течение которой делала глубокие, ровные вдохи и выдохи.

– Сбегаю купить яйца и батарейки, – сказала она, стараясь говорит живым, веселым голосом.

– А Марсель не может сходить? – спросил Себастьян, отрываясь от своего ноутбука.

– Ему нужно оставаться за прилавком.

– Зачем? Только не говори мне, что у него нет отбоя от клиентов. Удивительно, что эта кондитерская не закрылась сто лет назад.

– Ммм... есть там парочка, – солгала она.

– Ну, ты тогда поспеши. Я не собирался торчать тут так долго. – Он посмотрел на часы. – Хорошо еще, что ноутбук взял, можно сделать какие-то важные вещи. – Себастьян уже доставал телефон и искал нужный номер. – Привет, Майк. Как там дела – освещение уже на месте? Пожарные на завтра вызваны?

Он отвлекся от Нины на другие дела, что было и к лучшему, ей не нужно было рассказывать ему о пустых полках в кладовке. Это добавило бы ей еще одну черную метку, совершенно несправедливую. Он и понятия не имел, какой вид имела кухня, пока Нина не занялась ею, сколько сил потратила, чтобы привести ее в порядок. Он был засранцем. Полная и абсолютная свинья, не имеющая ни одной черты, которая хоть как-то искупала бы его свинство.

Неужели ей это все нужно? Стоит ли оно того? Предполагалось, что вся затея будет средством положить этому конец, но теперь она не была так уж в этом уверена. В особенности после его язвительного замечания о том, что стать шефом в кондитерском деле можно только после долгих лет обуче-

ния. Она не была такой уж наивной дурочкой и знала это и без него, но надеялась, что Париж хотя бы поможет ей сделать первый шаг. Вдруг Нина потеряла уверенность в том, что ее поездка в Париж была такой уж хорошей идеей.

* * *

Слава богу, что у нее есть Дорис – так Нина нарекла старушечью тележку, которую ей дал Марсель. Эта тележка официально стала ее лучшим другом, спасителем и героиней, несмотря даже на одно немного прихрамывающее колесико.

Поскольку в кладовке было хоть шаром покати, как у матушки Хаббард¹⁷, Нина решила удвоить все в списке Себастьяна. Ей эта корректировка пришлась по душе, даже несмотря на то, что бедняжка Дорис явно жалобно скрипела под многотонным, как казалось Нине, весом муки, сахарной пудры, сахарного песка, масла и яиц. (Она преисполнилась чувством благодарности к Марселю, который в редкую минуту солидарности с ней решил проблему с батарейками.)

Чертов Себастьян. Он со своим телефоном и ноутбуком мог прекрасно поработать и на кухне, а потому она позволила себе насладиться солнышком и подольше не возвращаться в напряженную атмосферу кухни – она неспешно шла в кон-

¹⁷ Известные детские стихи из цикла про Матушку Хаббард, впервые опубликованы в 1805 г., здесь имеются в виду начальные строки: «Раз матушка Хаббард / В кладовку вошла, / Но там, вот беда, / Ничего не нашла».

дистерскую, неторопливо разглядывала витрины, мимо которых проходила, — зоомагазин, галантерея, в витрине которой были выставлены три превосходных джемпера крупной вязки, велосипеды, цветы.

Многоцветие выставленных на продажу цветов заставило ее остановиться и улыбнуться. Розовые и желтые розы, собранные в очаровательные букеты, гиацинты в серебристых горшочках, украшенные сиреневыми галстучками-бабочками, ведро, наполненное ее любимыми альстремериями бледно-розового, сочного красного и багряного цветов. Она отошла на несколько шагов от цветочного магазина, остановилась, обернулась. Букетик цветов на кухне и в зале придаст им бесконечно более яркий вид, но принести букеты, управляя тележкой, ей было не по силам. А с маленькими серебристыми горшочками она вполне могла справиться, они будут хорошо выглядеть на столиках и радовать хотя бы ее, пусть и никого другого. Себастьян, ограниченный в своих передвижениях, никогда об этом не узнает. Купив шесть штук и пристроив их поверх всех грузов на тележке, Нина двинулась дальше.

И в тот момент хромое колесо тележки решило свернуть в одну сторону, тогда как Нина тащила тележку в другую. Девушка поняла, что горшочками она превысила грузоподъемность тележки, борьба с которой несколько вывела Нину из равновесия, и с чудовищной неизбежностью один из серебристых горшочков начал, черт его подери, падать с тележки,

когда ее от кондитерской отделял всего лишь переход через дорогу. Нина бросилась вперед, чтобы подхватить горшочек. Она действовала с точностью игрока в крикет, чем наверняка заслужила бы аплодисменты любого из своих братьев, но при этом ей пришлось отпустить тележку, которая ввиду перегруза стала опасно наклоняться вперед.

– Опа! – Появившаяся словно из ниоткуда девушка ухватила тележку, которая иначе рухнула бы через мгновение. Она, победно взмахнув рукой, вернула тележку на место и ухмыльнулась.

– Ничего себе, что у тебя здесь? Это же не самосвал, – громко проговорила она с сочным бирмингемским акцентом.

– Да, камни, песок – все на месте, – сказала, рассмеявшись, Нина, пытаясь одновременно выровнять цветы. – Ты англичанка.

– Чуть-чуть. Хотя я рассчитывала смешаться с толпой в этом берете. – Она похлопала себя по ярко-красной шапочке, прикрывавшей ее темные кудри.

Нина оглядела девушку – та была крепко сложена, одета в тренч с поясом. Потом Нина перевела глаза на обувь.

– Я думаю, «кроки»¹⁸ выдали бы тебя с головой, – мрачно сказала она, крепко сжав губы.

Девушка разразилась смехом.

– Они абсолютно в английском стиле, да? Ни одна уважа-

¹⁸ Имеются в виду туфли американского производителя обуви «Крокс».

ющая себя француженка не наденет ничего столь практичного.

Нина подумала, что такие туфли могли бы носить австралийки или американки, но, судя по тому, что она пока видела на француженках, она была склонна согласиться с этой девушкой. И Маргерит, и Валери де (как ее там дальше?) под страхом смерти не надели бы эту пластмассово-резиновую обувь.

– Я ушибла большой палец на ноге, возможно, даже сломала, ничего другого носить не могу. Понадеялась, что если сверху буду косить под Одри Хепберн, то это настолько всех привлечет, что они ниже и глаз опускать не будут.

Нина с трудом сдерживала смех.

– И косить под Одри Хепберн у меня тоже не очень получается, да?

Нина очень медленно покачала головой, словно это могло смягчить обиду.

– Извини. Не очень получается. Но спасибо тебе за помощь. Ты даже представить себе не можешь, от какой катастрофы меня спасла. У меня здесь три дюжины яиц.

Они одновременно скорчили гримасы.

– Можешь себе представить?

– Ого! Вот это была бы яичница.

Девушки улыбнулись друг другу, и незнакомка покачала головой, а ее темные кудряшки запрыгали.

– А это вместе с мукой, сахарным песком и пудрой соста-

вило бы прекрасный рецепт для катастрофы.

– Торт минутка, – добавила масла в огонь девушка, в ее глазах заплясали веселые искорки. – А кто же не любит торты?

– Для меня бы это означало мгновенное увольнение. Спасибо, ты спасла меня от банкротства.

– Нет проблем. Меня, кстати, Мэдди зовут.

– Нина.

– Тебе еще далеко идти?

Нина отрицательно покачала головой.

– Вон туда. – Она показала на кондитерскую по другую сторону улицы.

– А я как раз собиралась туда зайти. Хорошая кондитерская?

– Если откровенно, то не очень. Только никому не говори, что я тебе это сказала.

– Давай я тебе помогу. Понесу цветы, а яйца оставлю тебе. Так ты тут работаешь?

– Типа того.

Пока они шли бок о бок, Нина рассказала Мэдди свою историю и не забыла упомянуть про курсы.

– У, здорово. А я вот точно никакой не кондитер. Я больше люблю что-нибудь наваристое, тушеное и детский пудинг.

– Тебе нужно подучиться на курсах, – сказала Нина, таща за собой тележку и размышляя о том, сколько времени у нее

уйдет на разгрузку всего этого добра.

– Какая блестящая мысль.

– Нет-нет, это я просто так. – Она должна перестать говорить про курсы. Это было неосторожное, непродуманное замечание. Нина зазывает новых кандидатов быстрее, чем люди съедают горячий обед. Себастьян не обрадуется. – Курсы начинаются завтра, так что, вероятно, уже...

– Идеально, у меня завтра нет лекций. И знаешь что? Моя мамочка так удивится – ты представить себе не можешь. Я смогу ей дважды в год готовить пирог ко дню рождения.

Нина вскинула брови, услышав такое интересное заявление.

Мэдди рассмеялась.

– Мы празднуем дни рождения два раза в год. У меня в семье все любят торты. Хотя обычно мы их покупаем в «Теско». Однажды я попробовала было испечь яблочный пирог. Сейчас тебе произнесу все слова, которые он заслужил, будучи подан на стол: подгоревший, безнадежно бесформенный и безвкусный. Пришлось его отправить на помойку.

Когда Нина поднимала с помощью Мэдди тележку по ступенькам крыльца в кондитерскую, та уже размышляла вслух, какой торт она сделает, когда вернется домой.

– Не знаю, может быть, сейчас уже поздно записываться на курсы, – сказала Нина.

– Ничего страшного, не переживай, – сказала Мэдди.

Нина вздохнула с облегчением. Один бог знает, что бы

сказал Себастьян, если бы узнал о еще одном слушателе, в особенности если бы узнал, что этого слушателя привела она.

– Я приду завтра утром, а если места не будет, то и ладно.

Глава девятая

– Мы уходим через пять минут. Ты готова? – спросил Себастьян. Он сидел, сутулясь над своим ноутбуком, и едва оторвал взгляд от экрана, когда Нина вкатила продолжающую оказывать сопротивление тележку, у которой определенно были свои представления о том, как нужно жить. Вид его вызывал ощущение крайнего неудобства: он сидел на краю стула, боком к столу, на котором стоял ноутбук.

– Вообще-то, – сказала Нина, деловито выгружая яйца и радуясь тому, что он поглощен работой, – мне нужно... ммм, наверно, оборудовать еще одно рабочее место на тот случай, если появится кто-то еще.

За этим последовало мучительное молчание, и несколько секунд она даже думала, что, может быть, ее предложение прошло. Ну уж нет. Он поднял голову над своим ноутбуком, подозрительно сморщив лоб.

– Ты не могла бы уточнить?

– Ну, понимаешь...

– Нет.

Нина рискнула посмотреть в его сторону, поймать его сверлящий взгляд. Чувствуя смущение, она потерла икру подъемом другой ноги, изо всех сил стараясь не выглядеть изворотливой.

– Нина, да бога ради!

Нина поморщилась.

– Я же это не специально. Я... понимаешь, сказала об этом одной англичанке, с которой познакомилась, и она по-настоящему заинтересовалась и...

– И ты не подумала о том, чтобы сказать ей, что курс уже под завязку или что-нибудь в этом роде? – прорычал Себастьян с таким чувством, что Нина даже не нашла слов для ответа. Ей казалось, что эта проблема не стоит выеденного яйца.

– К черту, – сказал он, как отрезал, и схватил костыли. – С меня достаточно. Вызови такси. Я буду на улице.

Как только он вышел, Нина усиленно заморгала. Нет-нет, плакать она не собиралась. Себастьян не стоил ее слез, он был свиньей, но плакать из-за него она не собирается. Нина его ненавидела. И как только она когда-то думала, что влюблена в него, в такую наглую, грубую, раздраженную, злобную, грубую, нетерпимую свинью?

* * *

На обратном пути в отель они ехали в такси в гробовой тишине, Себастьян снова сидел сзади. Нина все сорок пять минут пути смотрела в окно, мысленно собирая свои вещички. Ей это было не нужно. Она поможет Себастьяну подняться в номер, а оттуда – на всех парах побежит в его квартиру, соберет вещи и унесет отсюда ноги к чертовой матери. Пусть

найдет себе другого помощника.

Такси резко остановилось в этом ужасном потоке машин, и Нина своим телом чуть не вырвала ремень безопасности из его креплений, поэтому теперь у нее болело плечо. То, что трафик в Париже сплошной кошмар, было признано официально. Время, проведенное ими в машине, казалось, длилось вечность, и оно сделало молчание между ней и Себастьяном еще больше невыносимым. Не улучшал атмосферу и тот факт, что у водителя явно были наклонности камикадзе: он не упускал ни малейшей возможности продвинуться хоть на фут вперед и вклинить между другими машинами, а потом резко ударить по тормозам и остановиться в паре дюймов от бампера впереди. Нина вздохнула с облегчением, когда таксист нажал на тормоза у дверей отеля, для чего маневром, предпринятым в последнюю секунду, пересек три разделительные полосы, отделявшие его от тротуара.

Себастьян вручил ему пятьдесят евро и мучительно медленно выбрался из машины под взглядом ожидающей его Нины с костылями в руках. Водитель протараторил что-то по-французски, когда Себастьян принялся прыгать к двери отеля.

– Ты не хочешь взять сдачу? – спросила Нина, поняв, что водитель говорит о том, что у него не хватает сдачи.

– Не хочу, – прорычал Себастьян, даже не повернувшись. Она пожала плечами, взяла сумку с ноутбуком Себастьяна и последовала за ним, прожигая его спину испепеляющим

взглядом и бормоча проклятия себе под нос. В мыслях Нина уже была далеко отсюда. Вот ведь грубиян, даже не подождал ее. Себастьян был уже на полпути к лифту.

Он уронил костыль, нащупывая кнопку, и злобно выругался. Нина тихо вздохнула, пораженная тем, что, оказывается, в машине он еще не достиг порога своей раздражительности.

Когда она подняла костыль и передала ему, Себастьян чуть ли не вырвал его из ее руки. Нина прикусила язык и сохранила безразличное выражение лица. Ничего, еще десять минут можно потерпеть. Через десять минут она выйдет отсюда и больше никогда его не увидит. Ей нужно только сопроводить Себастьяна в лифте, открыть ему дверь, отдать ноутбук – а присяжные пусть потом разбираются, она ли огрела его по голове этим чертовым гаджетом или нет – попрощаться и удалиться. С нее хватит. С этой минуты он в свободном плавании.

Как только дверь лифта открылась, Себастьян тут же вышел, его костыли задребезжали, когда он по прямой устремился к своему номеру, набычившись, остановился у двери в ожидании, когда Нина подойдет и откроет ее.

– Спасибо, – прорычал он. – До завтра.

С этими словами Себастьян исчез, даже не оглянувшись.

Несколько секунд Нина стояла, сжимая кулаки. Как он смеет так с ней обходиться? Неблагодарная скотина. Да, она сегодня совершила пару ошибок, но никто не умер, к зав-

трашнему дню все готово. Она не была идеальной, но заслуживала лучшего, и она не допустит, чтобы это сошло ему с рук. Ярость в ней начинала приближаться к точке кипения. Чтобы вывести ее из себя, нужно было сильно постараться. Нина не любила конфликты, но... сегодня ей нечего терять. К черту.

Нина сделала три широких шага по коридору до гостиной. Себастьяна там не было, но ярость заставила ее направиться напрямик к спальне, из которой донесся звук упавшего на пол костыля.

Она сердитым толчком распахнула дверь и уже хотела назвать его имя, но тут, увидев его, остановилась как вкопанная в дверях.

Себастьян рухнул на кровать. Лежа на ней по диагонали, он прикрывал лицо рукой. Нина замерла, услышав его тихий стон. Весь бурлящий в ней гнев, готовый выплеснуться наружу, испарился в одно мгновение. Глупый, глупый, глупый дурак. Теперь она видела бледность его лица, крепко сжатые до скрежета челюсти, неконтрольные движения нижней части его тела.

– Себастьян?

Он замер.

– Тебе?..

– Уходи.

Его голос звучал хрипло, а лицо он по-прежнему прятал. Ну конечно, в таком состоянии она его ни за что не оста-

вит. Нина подошла к прикроватному столику, на котором лежали две упаковки таблеток.

Девушка прищурилась, внимательнее пригляделась к нему. Себастьян лежал совершенно неподвижно, и она видела, что его лицо посерело еще сильнее. Этот глупец старался казаться храбрым. Ей не приходило в голову, что его мучает боль, правда, она не могла это понять – ничего в жизни себе не ломала.

– Тебе очень больно?

Ответная тишина сказала ей достаточно, чтобы все понять.

– Себастьян? – сказала Нина нежно.

– Да?

Он убрал руку с лица и посмотрел на нее, настороженный, как маленький мальчик, пойманный на лжи. Его глаза подозрительно увлажнились.

Несколько мгновений чувство вины терзало ее – вид у него был такой побитый и уязвимый. И это ее ужасно взволновало, ведь он всегда казался ей победителем в любой ситуации.

– Когда ты в последний раз принимал болеутоляющее?

Иногда наличие братьев было на руку. Они, все четверо, играли в регби и принимали болеутоляющее. Это было так мужественно. Джонатан как-то раз сломал ногу и стонал не переставая – жаловался, что у него под гипсом все зудит. Наконец мама дала ему вязальную спицу.

Себастьян с мятежным видом выставил вперед подбородок.

– Довольно давно.

Теперь Нина заметила меловую белизну вокруг рта Себастьяна, видела, как напряжено его тело.

– Это твоё лекарство?

Он кивнул и поморщился от боли.

– И когда ты в последний раз принимал таблетку?

– За завтраком.

– Да господи ты боже мой. – Нина скрывала своё волнение за ворчливым тоном. Открыв упаковку таблеток, спросила: – Сколько тебе разрешили принимать зараз?

– Две – каждые четыре или шесть часов. Но они очень сильнодействующие. Мне от них плохо.

– Тебе больше нравится вот так мучиться? – отрезала Нина, рассердившись на него. Неудивительно, что он весь день был в дурном настроении.

Себастьян ничего не ответил, только слабо покачал головой. Глаза у него были закрыты, и Нина вдруг поняла, что он абсолютно беспомощен и страдает от невыносимой боли. Она достала две таблетки из блистера и поспешила в ванную. Набирая воду в стакан, Нина недовольно посмотрела на себя в зеркало. Иметь дело с кротким Себастьяном гораздо проще, подумала она, но видеть его в таком состоянии было нехорошо, и она знала, что он не примет от нее жалости.

– Что тебе сказали о мерах предосторожности, когда вы-

писывали? – спросила она, ставя на стол стакан с таблетками. Ей нужно было посадить его, чтобы он принял лекарство.

– Отдыхать. Ногу не нагружать, держать на подушке. – Судя по его безжизненному голосу, он отдавал себе отчет в своем идиотском поведении и не хотел, чтобы Нина лишней раз заостряла на этом внимание.

– Ясно. Давай я помогу тебе сесть поудобнее. Если ты сядешь, я подложу тебе под спину и под ногу подушки. Потом болеутоляющее.

Себастьян тоскливо посмотрел на нее, и мрачная линия его рта дрогнула. Когда он моргнул, коротко кивнув, словно в своем полном изнеможении не мог говорить, она подошла к кровати и принялась поправлять подушки.

– Как ты думаешь, ты сам сможешь подняться? – спросила она.

– Дай мне минутку. Извини, эта езда в машине...

Нина не стала говорить очевидное: «и на ногах с самого утра без таблеток».

Когда Себастьян устроился на подушках и принял болеутоляющее, она заговорила снова. Нина старалась сохранять безразличие, но ей хотелось устроить его поудобнее.

– Хочешь, я сниму с тебя туфлю?

Он негодуяще посмотрел на нее.

Теперь она закатила глаза.

– Послушай, Себастьян, признай наконец, что тебе нужна помощь. – Нина перешла на другую сторону кровати, развя-

зала шнурок, стащила его черный броч с ноги. – Ну, видишь, никаких проблем. Я здесь. Готова тебе помочь и могу это делать. Никаких других планов у меня на вечер нет. Может, тебе попробовать уснуть? А позднее я бы заказала тебе еду в номер.

Он кивнул и закрыл глаза, что она восприняла как свою маленькую победу. Несколько секунд Нина стояла над ним, борясь с желанием убрать его волосы и поцеловать его в лоб.

Она вздрогнула, когда почувствовала, как его рука коснулась ее руки, но глаза Себастьян так и не открыл. Чуть сжав ее пальцы, он прошептал:

– Спасибо, Нина.

* * *

Нина вышла из спальни и прикрыла за собой дверь. Теперь она никак не могла оставить его в беде. Нина готова была лягнуть себя за то, что не понимала, какую боль ему приходится терпеть. Его постоянная раздражительность теперь не удивляла ее. Хотя Себастьян и говорил, что нянька ему не нужна, он явно нуждался в человеке, который позаботился бы о нем.

Вытянув губы, она достала записи, которые он сделал на завтра. Судя по рецептам, они должны были приготовить заварное тесто, заварной крем, шоколадные профитроли и эклеры к кофе. У Нины потекли слюнки, напоминая ей о том,

что она ничего не ела с утра, но она решила подождать еще час, прежде чем что-либо заказывать, а когда заказ принесут, она его разбудит.

* * *

Осторожный стук в дверь сообщил о прибытии официанта. Чтобы между нею и Себастьяном не возникло никаких трений, Нина заказала себе и Себастьяну бургеры и картошку фри. На пути к двери она заглянула в спальню и увидела, что он еще спит. Секунду-другую Нина разглядывала его. Во сне его лицо смягчилось, темные волосы сбились на лоб, рот расслабился. И выглядел он моложе, стал более похожим на Себастьяна, которого она помнила, и Нина ужаснулась, почувствовав, как неожиданно защемило ее сердце. Быстро развернувшись, она поспешила к двери и резким рывком распахнула ее.

– Кто-то проголодался, – услышала она веселый шотландский говорок с некоторой долей иронии.

– Алекс, привет. Вы что – разносите заказы по номерам? Он улыбнулся ей.

– Обычно нет, но персонал предупрежден – они дают мне знать о нуждах Себастьяна, и если я на месте, то заглядываю к нему. Как он?

Нина поморщилась, отступая, чтобы впустить его с подносом в номер.

– Неважно, если честно. Этот дурак сегодня переработал.

– Похоже на Баса. Абсолютный трудоголик.

Нина вскинула брови.

– Неужели вы лодырь? Ни за что не поверю.

– Я на него не похож. У него шило в одном месте. – Алекс пожал плечами. – Я живу по принципу «сделал дело, – на его щеках появились ямочки, – гуляй смело», а он просто какой-то супермотивированный. Исполнен решимости доказать, что его отец ошибался.

Нина хмурилась, идя следом за Алексом в глубь номера. Он поставил поднос на обеденный стол у окна и отодвинул занавески, чтобы увидеть огни Парижа, мерцающие в темноте.

– Я не помню его отца, даже не уверена, что видела его, но в этом нет ничего удивительного. Себастьян чуть не все время проводил у нас в доме. Когда мама поняла, что готовит он лучше, чем она, то предоставила ему полную свободу на кухне. Для нее это всегда было чем-то вроде испытания: готовить для четырех мусорных бачков в человеческом облике, начисто лишенных вкусовых рецепторов, довольно утомительное занятие. В том возрасте мои братья были не особо разборчивы и количество всегда было важнее качества.

– Отец Себастьяна... – Алекс резко замолчал. – Бас! Принес тебе ужин в твоём вкусе, ленивый ты дурень. Говорят, ты на работе спишь.

– Ты попробуй покрутиться на костылях. Довольно уто-

мительная хрень.

Нина повернулась. Себастьян стоял в дверях и выглядел немного лучше, правда, совсем чуть-чуть.

– Так что у нас сегодня в меню?

– Бургеры и картошка фри. – Нина самоуничижительно пожала плечами. – Не знала, что тебе заказать.

– Отлично. Спасибо.

Она отметила, что двигается Себастьян по комнате очень медленно, словно он днем израсходовал весь запас энергии, а зарядиться еще не успел. Что он скажет, если она посоветует ему поесть и снова лечь в постель. Нина поймала взгляд Алекса, который хмурился, глядя на мучительно медленное перемещение Себастьяна по комнате.

– Господи помилуй, ты как ходячий мертвец. Хорошо, что я догадался увеличить твою порцию картошки.

Нина обратила внимание, что Алекс, несмотря на все свои иронические замечания, как бы невзначай помог Себастьяну сесть, взяв у него костыли. Она же, сняв свою тарелку с подноса, передала его Себастьяну, чтобы он ел, держа поднос на коленях.

– Эта чертова картошка фри – последнее, что мне нужно. Когда я снова буду играть в мини-футбол, ты сможешь использовать меня в качестве мяча.

– Ничего страшного, мы поставим тебя на ворота, – сказал Алекс, он умыкнул ломтик картошки с тарелки Себастьяна и опустил свое долговязое тело на противоположный диван.

Судя по его виду, Алекс мог с утра до вечера без всяких проблем есть картошку фри.

Нина закатила глаза, села рядом с ним, поставила тарелку себе на колени.

– Я все видел, – сказал Алекс, он скинул с ног туфли, умыкнул еще один ломтик и устроился поудобнее.

– Вы оба разговариваете, как мои братья. Мmmm, вкусно. – Она принялась жевать картошку, только теперь осознавая, как проголодалась.

– Ха! Вот только Ник в жизни по мячу ногой не ударит. – Себастьян удостоил ее редкой улыбкой. – Братья Нины играют только в регби.

– Я, кажется, помню, что ты играл плохонького блуждающего полузащитника, – сказала Нина, реагируя на ходы. Она вонзила зубы в бургер, надеясь, что никто не заметил легкого румянца, появившегося на ее щеках, когда она вспомнила все матчи, на которых вроде бы смотрела игру братьев, а на самом деле околачивалась там, словно ошалевшая от влюбленности групи¹⁹. О господи, какой же душой она себяставляла.

Себастьян тяжело вздохнул, и выражение сожаления скользнуло по его лицу.

– Давно это было, но я тоскую по тому времени.

¹⁹ Группи (англ. groupie) – поклонница рок-звезды, поп- или рок-группы (или спортивной команды), сопровождающая повсюду своего кумира во время гастролей, употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

– Почему же ты тогда бросил игру? – спросила заинтригованная Нина. Себастьян был не из тех людей, которые отступают перед трудностями или не делают чего-то, что им нравится. Жаль, что так получилось, он был хорош в игре. Ей пришлось подождать секунду-другую, пока он прожует картошку, которую, казалось, поглощал с удовольствием, несмотря на все свои возражения.

– К сожалению, работать по воскресеньям в утренней смене, когда ты чувствуешь себя так, будто тебя пропустили через блендер, довольно быстро приедается. Да и работа по семь дней в неделю тоже не способствует.

– Сплошная работа без игры делает из Баса скучного парня, – сказал Алекс. Его пальцы ухватили картофельный ломтик с тарелки Нины. – Впрочем, эта блондинка, как ее... Катрин из дизайнерской компании, кажется, с удовольствием сочетает приятное с полезным. Что с ней происходит?

– Дела давно минувших дней, – сказал Себастьян, которого вдруг почему-то так сильно озаботило пятно на его гипсе, что он принялся стирать его ладонью, отчего поднос начал опасно наклоняться. – Она много путешествует. В общем, поживем – увидим. – Он поднял голову, посмотрел на нее. – А как твои дела, Нина? Перспективный бойфренд? Что случилось с этим парнем по имени Джо? Ты с ним встречалась.

Это напоминало полицейский допрос, когда подозреваемого засыпают кучей слов, не давая ему опомниться, такое действие по выяснению фактов без всякого личного интере-

са.

Нина вымучила уклончивый ответ.

– У тебя старые сведения. Мы с Джо перестали встречаться года четыре назад, и он уже женат, я была подружкой невесты на его свадьбе.

– Ай-ай, – сказал Алекс, делая грустное лицо и словно в рефлекторном сочувствии подвигаясь к ней на диване. – Наверняка это были не самые приятные ощущения.

Несмотря на это неделикатное замечание, его глаза светились сочувствием, и Нина, отвечая, предпочла смотреть на него, а не на Себастьяна.

– Нет, я их сама познакомила, а Али – моя добрая подружка. – Говорила она безразличным тоном. Она была искренне рада за них, но не готова признавать, что их отношения смягчили ее чувство вины по отношению к Джо, которого она никогда не могла полюбить так, как он этого хотел. Кто-то другой оставил первые зарубки на ее сердце. – Я была просто счастлива, в особенности еще и потому, что мы с Джо были не больше, чем друзьями.

Нина говорила, молча молясь о том, чтобы выражение ее лица ничего не выдало.

– Так, значит, в настоящий момент никакого перспективного бойфренда? – настаивал Себастьян.

Она отрицательно покачала головой.

– Слишком много дел, – категорически сказала Нина, раздраженная тем, что ему обязательно было нужно вытащить

на свет божий ее непреклонное одиночество. Он явно демонстрировал свою кровожадность.

– Ну, в Париже у вас наверняка есть свободное время, – сказал Алекс с неожиданной веселой нахрапистостью в голосе. – Себастьян может превращаться в настоящего деспота. Не позволяйте ему использовать вас в его интересах. Вы обязательно должны посмотреть город. Знаете что – мне знакомы некоторые замечательные места. – Он сунул руку в нагрудный карман. – Вот, возьмите мою визитку. Никак не могу запомнить номер своего мобильного.

Себастьян сердито посмотрел на него.

– Нина приехала сюда работать! Мне нужно, чтобы она все время была под рукой – много неожиданных дел возникает.

Алекс беззаботно пожал плечами и тайно подмигнул ей.

– Если он будет слишком трудным боссом, дайте мне знать. Я сокращу его обеденные порции.

Нина улыбнулась ему в ответ, а он тут же умыкнул у нее еще один картофельный ломтик.

– Это уже похоже на план.

Губы Себастьяна плотно сжались. Нина почувствовала лишь слабенький укол вины за то, что на пару с Алексом подкалывает его, но он был таким брюзгливым засранцем весь день, и ей было приятно легкое утешение, которое она получала от добродушных шуток Алекса.

Когда они закончили есть, Себастьян довольно шумно

зевнул.

– Ну хорошо, Нина. До завтра. Не опаздывай. Тебе придется встречать слушателей в зале.

– Мне?

– Я рисковать не буду – для меня эта лестница неподъемная, а у тебя все прекрасно получится. Все имена у тебя есть, и... а с одной из слушательниц ты даже знакома, – добавил он с недовольным выражением. – Тебе нужно будет только дождаться всех, а потом пригласить их в кухню.

– О'кей. – Она кивнула и собрала свои вещи. – До завтра. Счастливого, Алекс.

К ее удивлению, Алекс тут же вскочил, быстро собрал тарелки, резко развернувшись, взял поднос у Себастьяна.

– Я вас провожу, а это выставлю в коридор.

– Алекс, – быстро проговорил Себастьян, – ты мне нужен на пару слов.

– Сейчас вернусь, – ответил Алекс, игнорируя настойчивую просьбу остаться. Себастьян нахмурился. Нина снова подумала о том, как это ему удастся напускать на мрачнейшее лицо еще более мрачное выражение.

Когда они вышли за дверь, Алекс поставил поднос на пол и сказал:

– Извините за эти шутки. Никогда не видел его таким капризным. Не позволяйте ему донимать вас. Игнорируйте его, а если захотите передохнуть, то я предлагал вам экскурсию по Парижу вполне серьезно. Моя визитка у вас есть. От-

правьте мне ваш номер телефона... м-да. – Он покрылся румянцем. – Если хотите, конечно.

– Спасибо, Алекс. Это было бы здорово. – Нина весело ему улыбнулась, а сердце ее чуточку сжалось. Он был красив... дружелюбен, абсолютно полная противоположность Себастьяну и – ей даже думать об этом было стыдно – так напоминает ей Джо. Завязать дружеские отношения, в которой одной из сторон нужно нечто большее, нет уж, она любой ценой будет избегать этого. И не было ли в этом огромной иронии? Неудивительно, что Себастьян ее и близко к себе не подпускал.

– Алекс, – раздался рык из номера. – У меня не весь день. А у Нины еще важные дела.

– Что-то его и в самом деле напрягает, – прошептал Алекс. – Вам лучше уносить ноги. Увидимся.

Глава десятая

– Привет, Нина.

Мэдди первая вошла в дверь, трясая головой и роняя на пол капли дождя. Она впустила с собой в зал струю прохладного весеннего воздуха.

– Доброе утро. Ты первая. – При виде Мэдди Нина сразу же повеселела, в особенности после получаса довольно флегматичной помощи Марселя, который помогал ей устанавливать на одном из столиков кофейную станцию, чтобы к приходу слушателей все было готово. Он определенно был из разряда черепак, да что там говорить, если бы он действовал еще чуть-чуть медленнее, то просто раскручивал бы сделанное в обратном направлении. И словно этого было недостаточно, Себастьян так еще и не объявился, а на ее последнюю эсэмэску он не ответил.

– Я постоянно прихожу рано. Так часто бывает в больших семьях. Пытаться всех собрать из разных комнат, это что котлов пасти.

– Мне это чувство знакомо. Мой отец все грозил одну из овчарок прикрепить к нам, чтобы сгоняла нас вовремя. Угощайся кофе и садись. Мы дождемся, когда все соберутся, и тогда перейдем в кухню. Я вернусь через минуту.

Она оставила Мэдди угощаться кофе, а сама понеслась вниз по лестнице, как бы не замечая неприступного взгляда,

которым смерил ее Марсель, когда она пробежала мимо него.

На кухне все было готово, вот только куда делся Себастьян? Нина взволнованно посмотрела на часы, потом вернулась в зал, где вскоре появилась Маргерит вместе с парой средних лет.

– Бонжур, Нина, смотрите, кого я нашла по дороге сюда. Мсье и мадам Эшман.

Супруги робко улыбнулись.

– У них длительный медовый месяц, а поженились они три недели назад. – Маргерит плавно соскользнула в сторону, словно безмятежный лебедь, пропуская их вперед.

– Привет, меня зовут Питер, а это Джейн.

Они все еще держались за руки, словно разделение было им невыносимо, и Нина подумала, что это очень мило. Питер взял зонтик у Джейн и помог ей снять пальто, потом снял свое и произнес:

– Здесь и вправду очень мило.

– Нет, здесь кошмарно, но угощайтесь кофе. Меня зовут Нина. Мы ждем еще одного слушателя, и тогда перейдем в кухню, а там вы познакомитесь с Себастьяном, который и будет вести курсы. Там мы всех представим надлежащим образом.

– Вы позволите ваши пальто?

Голова Нины дернулась, когда она услышала голос Марселя. На лице у него была гримаса боли, словно он не хотел во всем этом участвовать, но не мог видеть, если клиента не

обслуживают должным образом. Она улыбнулась Марселю, а он, послав ей в ответ заносчивый, высокомерный взгляд, набросил пальто себе на руку и понес их к старомодной шляпной вешалке в углу в венском стиле.

– Я туда попал? – раздался громкий голос с легко узнаваемой северной гнусавостью.

– Вы, вероятно, Билл, – сказала Нина, кивая и быстро сверяясь с еще одной заметкой от Себастьяна.

– Все верно, я – Билл Сайкс. – Этот высокий, плотного телосложения человек прошел вперед и приложил два пальца к виску, приветствуя всех сразу. – И не говорите ни слова, я уже слышал все это прежде.

Маргерит смотрела озадаченно, а Мэдди и Нина старались скрыть улыбки²⁰.

Когда все выпили кофе, Нина повела их в кухню. Себастьян уже наверняка должен быть там, думала она. Он, вероятно, не стал рисковать – подниматься по нескольким ступенькам, ведущим из кухни в коридор, который вел в зал кондитерской.

Ее сердце ушло в пятки. Черт побери, его все еще не было. Все собрались в кучку, вид у них был неуверенный, и Нина почувствовала на своих плечах груз ответственности.

– Приветствую всех, – сказала она, улыбаясь во весь рот и молясь о том, чтобы ее радостный голос звучал авторитет-

²⁰ Мэдди и Нина улыбаются, потому что Билл цитирует слова из хита «Уже слышала это прежде» в исполнении американской певицы Саншайн Андерсон.

но и уверенно. – Спасибо всем, что пришли сегодня. Как вы знаете, меня зовут Нина, и я ммм... – А в чем именно состоит ее роль? Они с Себастьяном не обсуждали это. – И я буду опекать вас. Себастьян, шеф, уже в дороге. – По крайней мере, она очень на это надеялась. Нина уже, казалось, в сотый раз посмотрела на часы, вспомнила его предупреждение «не опаздывай», что не улучшило ее настроения. – Я думаю, он попал в пробку, но вот-вот появится. Я уверена.

Она еще раз улыбнулась, видя, что все смотрят на нее.

– Да, вот-вот будет.

А если нет. Что еще она может им сказать, чтобы заполнить это гнетущее молчание, под которое все разглядывали ее так, словно она знала все ответы. Быстро просмотрев еще один из списков Себастьяна на столе перед ней, Нина перебрала в уме все, что он говорил вчера, но это ничеготеньки ей не дало. Струйка пота потекла у нее по спине, и она целую секунду неловко передергивала плечами.

– Я вот что скажу. – Она с трудом подыскивала слова. – Может быть, было бы неплохо, если бы вы... представились. И, возможно, рассказали о своих кулинарных навыках и объяснили, почему вы хотите научиться выпечке.

Все робко поглядывали друг на друга, а Нина нервно сглотнула комок в горле, молясь о том, чтобы кто-нибудь сломал лед. Но убийственная тишина продолжалась. Даже Мэдди зашаркала ногами и принялась рассматривать свои ногти.

– Итак, я – Нина. И я ммм... я сегодня помогаю Себастьяну. Я... – Мэдди дружески ей улыбнулась. – Я не училась на курсах, но я много пеку и очарована выпечкой. И я вызвалась помочь... пожалуй, нужно об этом сказать... Себастьян сломал ногу, поэтому я помогаю и надеюсь параллельно выучиться.

Ее голос начал стихать, по мере того как она переводила взгляд с одного на другого. У всех на лицах была неуверенность. Меньше всего хотела Нина разочаровать их, в особенности еще и потому, что двоим из них она сама предложила прослушать этот курс.

– Но, – твердо сказала она, – началу занятий предшествовали недели подготовки, которая должна обеспечить усвоение вами основы, фундамента, на котором строится искусство выпечки. Себастьян превосходный учитель и отличный шеф. Он обучался в нескольких ресторанах из мишленовского списка, включая «Ле Мануар» в Оксфордшире, работал на кухнях нескольких выдающихся шефов. У него собственная сеть ресторанов, и он собирается открыть два новых ресторана здесь, в Париже. – Нина решила не говорить о его плане превратить эту кондитерскую в бистро. – Могу вас заверить, вы в надежных руках.

– Ноги, вот в чем проблема²¹, – саркастически проговорила Мэдди и рассмеялась. И это сломало лед. Они все обме-

²¹ Эту фразу произнес известный французский велогонщик Томас Фёклер, или Тома Воклер (1979).

нялись ироническими улыбками. – Меня зовут Мэдди Эшкрофт, студентка, год буду учиться в Париже. Я подумала, что стоит попробовать... – Она замолчала, издав самоуничижительный смешок. – Я кухарством на жизнь не заработаю, но будет неплохо, если я вернусь домой и произведу впечатление на мою семью чем-нибудь удивительным. Я надеюсь, что Себастьян – чудотворец.

Все снова рассмеялись, и Нина от души порадовалась, что Мэдди встретила её на улице.

Мэдди повела плечами и добавила:

– И, откровенно говоря, мне показалось, что этот способ не умереть со скуки утром ничуть не хуже всех других.

– Соглашусь с этим. Когда вам столько лет, сколько мне, дни могут становиться монотонными. – Маргерит оглядела кухню. – Меня зовут Маргерит, и я умею готовить, – тут она сочувственно улыбнулась Мэдди, – только мне готовить не для кого. Мои внуки приезжают ко мне этим летом, и я... я... – Ее голос задрожал, глаза начали часто моргать, и эта женщина с царственной внешностью внезапно превратилась в хрупкое создание. – Я несколько лет не видела их. Хочу, чтобы этот приезд стал для них чем-то особенным. – Ее голос набрал силу, вернулось и уверенное высокомерие. – Они живут в Англии, а я хочу им показать, как пекут сладости во Франции, познакомить их с традиционными рецептами.

– Это просто замечательно, – сказал Нина с теплой улыбкой, только теперь осознавая, что величественная старая да-

ма на самом деле гораздо более хрупкая и ранимая, чем кажется. – Не сомневаюсь, ваших внуков ждут очень вкусные сладости.

– Меня зовут Билл Сайкс... и несмотря на имя, я хороший парень²². По крайней мере, так мне хочется думать. – Он заговорил скороговоркой, словно хотел побыстрее сбросить этот груз с плеч. – Я десять лет был шефом в армейской столовой, но... – Он замолчал, улыбнулся и обвел всех взглядом, а дальше у него пошло как по маслу. – Вы, вероятно, понимаете, там места для особого разнообразия нет. Я несостоявшийся шеф кондитерской, и мне после армии – а я уволился год назад – захотелось освоить новый вид деятельности. Я сейчас живу у друга – помогаю ему отремонтировать его новое жилье в Париже. Сегодня я строитель, электрик и разнорабочий, так что сомневаюсь, что способен на тонкости. – Он растопырил крупные, похожие на сардельки пальцы и, как актер на сцене, потряс ими.

Нина покачала головой.

– Не сомневаюсь, все у вас получится, – сказала она, стараясь не сравнивать эти пальцы с длинными, изящными пальцами Себастьяна.

Теперь она посмотрела на супружескую пару и кивнула им, приглашая к разговору.

– Меня зовут Питер Эшман, а это Джейн, моя замечатель-

²² Билл Сайкс – вымышленный персонаж и главный антагонист в романе Диккенса «Оливер Твист», грабитель и убийца.

ная жена. Мы недавно поженились, и оба любим готовить, и мы на три месяца приехали в Париж по «Эйрбиэнби»²³, чтобы побродить по парижским рынкам и какое-то время побыть вдали от наших недовольных семей. Мы узнали об этих курсах и вот решили попробовать.

Джейн толкнула его локтем в бок, в глазах у нее засветились озорные звездочки.

– И... расскажи им.

Мужчина с самоуничижительной улыбкой продолжил:

– Во время одного из наших первых свиданий я пытался приготовить профитроли для Джейн, но получились не профитроли, а настоящая катастрофа. Я сделал три попытки, но у меня получались только плоские блинчики, и тогда я у себя в книге рецептов написал заглавными буквами: «НЕ СМЕЙ БОЛЬШЕ ПРОБОВАТЬ НИКОГДА В ЖИЗНИ!!!»

Все рассмеялись, но их смех оборвал ровный голос:

– Приготовление теста требует абсолютной точности. Если вы знаете, как это делать, то никаких проблем у вас не возникнет, и это знание – один из краеугольных камней кондитерского дела. Я вам гарантирую, что к концу сегодняшних занятий вы сможете делать профитроли с завязанными глазами.

Нина повернулась к Себастьяну, который на своих костылях подошел к полукругу собравшихся и немедленно завла-

²³ «Эйрбиэнби» (англ. Airbnb) – интернет-компания, предоставляющая услуги по краткосрочному найму жилья в аренду по всему миру.

дел их вниманием. Ух ты, он выглядел лучше. Гораздо лучше. Нина глазам своим не верила, глядя на произошедшие с ним перемены. Но дело было не только в том, как он выглядел, даже Нина не могла отрицать, что в роли красавца-пирата он немного переигрывает, но в нем чувствовалась харизма, нечто не поддающееся определению, заставившее всех смотреть на него и искать его внимания.

– Доброе утро. Меня зовут Себастьян Финлей, и я буду учить вас приготовлению французских сладостей. Приношу извинения за мою малоподвижность. Я столкнулся с чемоданом, и, как вы видите, чемодан победил.

Он доковылял до табурета, приготовленного ему Ниной, аккуратно поставил костыли с одной стороны.

Все вежливо рассмеялись, но Нина видела – Себастьян их всех мгновенно очаровал.

– К моему счастью, у меня очень эффективный помощник Нина, которая пришла мне на помощь на несколько следующих недель.

От неожиданного тепла улыбки, которой он одарил ее, Нина зарделась. Она понимала, что Себастьян просто подыгрывает слушателям, но это была его первая за очень долгое время улыбка, обращенная к ней. Глядя на него свежим глазом, она поняла, что вчерашний вымотанный, обессиленный, уставший человек исчез, а вместо него появился другой. Сегодня на его широких плечах, о которых она совсем забыла, была черная в обтяжку футболка, его смугловатая

кожа светилась, а его яркие глаза загорались еще ярче, когда он дружески улыбался своим благодарным слушателям. Выглядел довольно соблазнительно, если не опускать глаз ниже пояса. Она глупо ухмыльнулась, глядя на его мешковатые черные спортивные штаны, которые были ему велики размера на три и ничуть его не красили.

Нина быстро представила всех еще раз.

– Сегодня мы начнем с заварного теста, а это, как я уже сказал, основа для множества выдающихся творений – торта «Париж – Брест»²⁴, «Сент-Оноре», эклеров, пирожных «Мо-нахини» и, конечно, профитролей. – Он мельком взглянул на Питера. – Я буду внимательно наблюдать за вами и надеюсь, у вас все получится.

– Аллилуйя, – весело проговорил Питер. – Я буду стараться.

Нина могла только, удивляясь в душе, смотреть на этого непринужденного обаятельного человека, взявшегося словно ниоткуда. Авторитетный и спокойный Себастьян создавал впечатление, что все находятся в надежных руках. Это был человек, который точно знает, что делает.

– Что ж, давайте к делу. Займите место за одним из столов. Рядом с вашими инструментами вы увидите рецепты. Все ингредиенты здесь вместе с весами.

²⁴ Необычное название торта «Париж – Брест», форма которого напоминает велосипедное колесо, объясняется обстоятельствами появления его рецепта: он был изобретен и изготовлен французским шефом Луи Дюраном в связи с первой велосипедной гонкой Париж – Брест в 1891 году.

После этого начался дивный шумок, ощущение предвкушения – все стали занимать места за столами, выставленными буквой U, чтобы каждое рабочее место было обращено к Себастьяну. Маргерит и Билл тут же взяли листочек с рецептом и принялись читать.

* * *

Себастьян оказался гораздо лучшим учителем, чем предполагала Нина, и она вспоминала доброго, терпеливого мальчика, каким он был когда-то, и теперь видела в том мальчишке зачатки Себастьяна нынешнего. Он демонстрировал добрый юмор и знания, проявляя сдержанную симпатию, когда у кого-то возникали трудности. Маргерит неторопливо смешивала яйца, и Нина увидела, что Себастьян отставил свои костыли в сторону и помог ей взбить смесь до нужной консистенции, все время приободряя ее и отмечая все ее самоуничижительные «никуда я не гожусь». Когда ее кондитерский мешок был заполнен, она с немалой сноровкой проделала более чем волшебную работу по изготовлению фигурных эклеров. Нина посмотрела на другую сторону. Бедняжка Мэдди переживала тяжелые времена, и даже высунутый язык ей не помогал. Форма ее эклеров находилась в диапазоне от аморфных комков до тонких скрученных червяков. А эклеры у Питера, который расположился за столом напротив нее, получались пухленькие, тогда как тонкие полос-

ки Джейн являли собой нечто совершенно противоположное, что позабавило Нину. Если бы объединить их усилия, то получилось бы как раз то, что надо. Ей это показалось довольно точной аналогией их брака.

– Господи помилуй, это мне напоминает сбившийся с пути истинного морской огурец, – рассмеялась Мэдди. – Почему это намного сложнее, чем кажется? – Она сдвинула кондитерский мешок с такой силой, что по следующему эклеру прошла волнообразная рябь. – У меня руки-крюки, – сказала она, закатив глаза.

– Ой-ой-ой, – сочувственно проговорила Маргерит, которая явно раз или два прежде пользовалась кондитерским мешком. Пять эклеров, которые она сделала к этому времени, были идеально ровными.

– Почему у вас получается так ровно? – Мэдди положила свой кондитерский мешок и подошла к рабочему месту Маргерит. – Меня извиняет только то, что я ничего подобного прежде не делала. А вы? И посмотрите, сколько Билл уже успел.

– Армейская закалка, – сказал Билл, кондитерский мешок в его руках казался карликовым. Его поднос уже заполнился, и хотя до Себастьяна ему было далеко, его эклеры выглядели совершенно однообразно, свидетельствуя о немалой прилежности их творца. – Начни и доведи дело до конца.

Себастьян одобрительно кивнул, посмотрев на поднос Билла.

– Если бы снизили скорость, получилось бы еще лучше. Но для первой попытки прекрасный результат. – Он двинулся дальше вдоль ряда и, покачивая головой, остановился перед Мэдди. – Мэдди, – сказал он, и его глаза неожиданно загорелись озорством, – вам кто-нибудь говорил, что не надо жать с такой силой? Здесь требуется постоянное нежное давление.

Мэдди взорвалась смехом.

– Мы об эклерах говорим?

Но Себастьян уже перешел к следующему месту.

– Отлично, Маргерит. Никто не должен расстраиваться. Для таких дел требуется некоторый опыт, а мы сегодня утром только приступили к обучению. Насколько я понимаю, некоторые из вас впервые видят кондитерский мешок, а сегодня у нас разговор о том, чтобы добиться правильной консистенции теста.

Когда все эклеры были выдавлены и Нина, написав имена слушателей на жиронепроницаемой бумаге, засунула подносы в духовку, они устроили перерыв на кофе. Она посмотрела на часы, не веря своим глазам, – неужели уже больше половины двенадцатого? Все отправились в зал, а Нина взяла оставленный кондитерский мешок Себастьяна, чтобы попробовать самой. Себастьян занялся своим ноутбуком, который он включил, как только остальные направились к двери.

Здоровенный жирный пузырь из насадки взорвался с громким хлопком.

– Опа, – сказала Нина, сделав шаг назад, но усиливая давление на мешок, что ничуть не улучшило ситуацию; смесь вырвалась из насадки и легла большой жирной полосой на край подноса, как сбежавший червяк. Действие на поверку оказалось куда более трудным, чем можно было подумать, и теперь она не могла выпустить из рук мешок, не испачкав все еще больше. Она несколько секунд простояла без движения, чувствуя себя полной неумехой, когда вдруг услышала приближающиеся шаги Себастьяна.

– Смотри. – Он встал у нее за спиной, но не взял полный мешок из ее руки, нет, он положил свою руку на ее, подвел ее ладонь под мешок. –левой рукой ты должна поддерживать мешок, а не давить на него. – Спокойный, одобрительный тон с бархатной ноткой вызвал у нее воспоминания. Ей всегда нравился его голос. Иногда, если он говорил спокойно, в его голосе слышался тот тембр, от которого у нее словно ток пробегал по коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.